

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Из жизни
карамели



Виктория Евгеньевна Платова
Из жизни карамели
Серия «Завораживающие
детективы Виктории Платовой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48482276

Из жизни карамели: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-106581-2

Аннотация

Это прозвище у него такое – Рыба-Молот. Ну какая он рыба? Просто глаза широко расставлены. А так – хороший повар, честный человек, хоть и идиот, как его позже охарактеризовали. Работает у олигарха по фамилии Панибратец, и жизнь его ничем особенным не отличается: от котла – к кастрюле, от кастрюли – к холодильнику...

Но вот однажды Рыбе было велено зайти в кабинет хозяина, куда практически никто не допускался (даже уборку кабинета осуществлял японский робот Имамура). Там Панибратец вручил ему плотный конверт и приказал распечатать его в полночь и без свидетелей, что бедный повар и сделал. После чего судьба потащила его по жутким колдобинам от одних испытаний к другим...

Веселая, легкая, местами озорная, местами добрая книга, в героев которой просто невозможно не влюбиться.

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	56
Глава третья	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Виктория Платова

Из жизни карамели

© Платова В. Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Все персонажи романа вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми, медийными и прочими персонами – совершенно случайно. И за их безнравственное поведение, дурные поступки и сомнительные высказывания автор никакой ответственности не несет.

Часть первая

Нгылека

Глава первая

в которой читатель знакомится с Сашей Бархатовым, по прозвищу Рыба-Молот, а также его немногочисленным окружением, привычками и пристрастиями, сомнительным настоящим и невнятным будущим

...Нынешнее бегство Рыбы-Молота было пятым по счету и самым глупым. Глупее не придумаешь. Стоило ли уезжать за тысячи километров от дома в поисках работы, чтобы вернуться обратно несолоно хлебавши всего лишь спустя три дня? Без выходного пособия, с разбитым сердцем и оторванной напрочь мочкой левого уха.

Мочку было особенно жалко.

Хотя она и не отличалась особой красотой и на ней время от времени вырастали два жестких белых волоска. Которые с таким же постоянством вырывались – что символизировало цикличность жизненных процессов вообще и наличие самой жизни в частности. Потеряв мочку, Рыба-Молот тут же стал рассуждать, что мог бы с ней сотворить, останься она при хозяине. На ныне покойный крохотный кусок Ры-

бьей плоти можно было навесить серьгу. На нем можно было вытатуировать диковинное животное, или рептилию, или кельтский орнамент. Также можно было оправить его в золото или платину и украсить бриллиантами. Ничего, ровным счетом ничего не жаль для такой ценной части организма, коей является чертова усопшая мочка! Хоть бы оторвали правую – так нет же, покусились на левую, любимую. Любимейшую!.. За что теперь Рыба будет хвататься, остужая пальцы? А студить пальцы при его профессии приходится довольно часто.

«Не хрен было шастать по всяким, прости господи, салехардам», – коротко резюмировала Кошкина, первая жена Рыбы-Молота.

«И еще скажи спасибо, что только ухо, а не, к примеру, яйца!» – прислала электронное соболезнование Рахиль Исааковна, вторая жена Рыбы-Молота.

С обеими своими бывшими Рыба-Молот поддерживал самые теплые, чтобы не сказать – родственные, отношения. Это было несложно, учитывая, что Кошкина проживала в Москве, Рахиль Исааковна – в Хайфе, а сам Рыба-Молот давно и прочно осел в Питере. До Питера в его пестрой биографии значились: Веймар (город босоногого детства), Шахрисабз (город прыщавого отрочества), Ташкент (город мятежной юности). А также с десятков других, по образному выражению Кошкиной, «муркиных задниц»: населенных пунктов, куда нормальный среднестатистический че-

ловек может попасть исключительно по недоразумению. Или (что вероятнее) – с большого бодуна. Отстав от поезда в глухой степи, без денег и документов, с трефовым королем в правой руке и обглоданной куриной булдыжкой в левой.

Впрочем, в карты Рыба-Молот не играл, даже в дурака, а спиртное употреблял вполне умеренно. Без излишней надломленности и высечения негатива. Рыба-Молот вообще был человеком, лишенным каких-либо видимых недостатков. Собственно, именно эта его стерильность и привлекла в свое время Кошкину с Рахилью Исааковной. Но она же и оттолкнула их – спустя довольно непродолжительное время после начала совместной жизни.

– Ты скучный, – заявила на прощание Кошкина.

– Тебе даже изменять не в кайф. Никакого морального удовлетворения, – заявила на прощание Рахиль Исааковна.

Еще одной причиной, по которой женщины сначала льнули к Рыбе-Молоту, а потом отдалялись от него со стонами, воплями и проклятиями, была профессия. На всех бейджах (а их к тридцати пяти годам у Саши Бархатова скопилась целая коллекция) значилось **«ШЕФ-ПОВАР»** –

с незначительными вариациями, касающимися шрифта и языка. В общей сложности «шеф-повар» был воспроизведен на пяти, включая собственно русский, а также грузинский, турецкий, иврит и – совсем уж экзотический – бурятский. В Бурятии, в райцентре Кяхта (он же – «Песчаная Венеция», он же – «Забалуи-городок», население 18 тыс.

чел., прядильно-трикотажная фабрика, медицинское училище, музей Сухэ-Батора, банно-прачечный комбинат) и состоялось боевое крещение Рыбы в качестве шеф-повара. Оттуда же он бежал – под покровом ночи, не предупредив работодателя и не получив окончательный расчет. Тот первый бурятский побег стал моделью всех остальных побегов Рыбы-Молота, о которых Кошкина с Рахилью Исааковной, а также все остальные, равнодушные к его судьбе люди говорили: «Вечно ты так, начинаешь за здоровье, а кончаешь за упокой».

Связи и браки шеф-повара Бархатова тоже заканчивались за упокой. Как говорилось выше – по причине его профессии. Чтобы убажить жен и подруг, чтобы привязать их к себе как можно крепче, Рыба-Молот начинал готовить как ненормальный – жарить, парить, тушить и запекать. Сочинять блюда – одно калорийнее другого. Коньком Рыбы-Молота были соусы и сладости, в первую голову – конфеты и шоколад ручной работы. Отказаться от них было невозможно, и потому спутницы молотовской жизни пухли как на дрожжах, раздавались вширь, обрастали лишними сантиметрами на талии (а некоторые, особенно восприимчивые и впечатлительные, так даже двойными подбородками).

– Ну тебя в жопу! С тобой такими темпами скоро в двери пролезать не будешь! – заявила на прощание Кошкина.

– Ну тебя в жопу! С тобой такими темпами скоро грузовая платформа понадобится для передвижения по квартире! –

заявила на прощание Рахиль Исааковна.

Нельзя сказать, что обе бывшие сдались без боя. Некоторое время они честно пытались бороться с шоколадно-соусным форс-мажором и искали всяческие компромиссы, при которых можно было бы сохранить и фигуру, и Рыбу-Молота с его растреклятыми вкуснящими конфетами. Так, Кошкина после обильных ночных возлияний отправлялась в сортир, на ходу засовывая в рот два пальца. А Рахиль Исааковна всерьез рассматривала вариант с привлечением в организм некоторого количества паразитов – чтобы совместными с глистами и цепнями усилиями противостоять напастям и поднять метаболические и пищеварительные процессы на новый качественный уровень. О таком кардинальном способе корректировки веса она узнала из какой-то телепередачи, оказавшейся впоследствии псевдонаучной и антигуманистической. Вообще Рахиль Исааковна была страстной телеманкой, называла телевизор «иконой» и проводила подле него все свободное и несвободное время – в ущерб многим социально значимым вещам, включая супружеские обязанности. Шутила Рахиль Исааковна в духе «Аншлага» и «Смехопанорамы», политические события в стране и мире рассматривала сквозь призму авторской программы «Однако», а за здоровьем (своим собственным и Рыбы-Молота) наблюдала исключительно с покосившейся пожарной вышки «Малахов +».

В отличие от Рахили Исааковны Кошкина телевизор тер-

петь не могла, но фанатела от радиостанций FM-диапазона. Особенно тех, которые специализировались на отечественной попсе. Причем тройка любимых исполнителей Кошкиной, как правило, оставалась неизменной:

Валерий Леонтьев,

Валерий Меладзе,

Валерий Сюткин.

Все остальные места в кошкинских топах и чартах тоже принадлежали мужчинам и юношам из наскоро склепанных мальчиковых групп. К женщинам на эстраде Кошкина питала стойкую неприязнь и каждое их появление в радиоэфире встречала презрительным: «О! Кружацца пискки!» Очевидно, корни этого выражения восходили к некогда популярной серии альбомов «Кружатся диски». До этого Рыба-Молот допер сам, без пояснений со стороны Кошкиной. Первая жена осталась в памяти Рыбы генератором всяческих неологизмов – они (придуманные, заимствованные, беззастенчиво украденные) изливались в таком изобилии, что ни ее, ни его жизни не хватило бы, чтобы объяснить каждый. Кличку «Рыба-Молот», впоследствии заменившую Бархатову и имя, и фамилию, тоже сочинила Кошкина. При этом она руководствовалась исключительно внешностью мужа, а именно – широко расставленными и максимально приближенными к вискам глазами. Настолько незамутненными, ясными и небесно-голубыми, что первой мыслью каждого, в них заглянувшего, было: э-э, а не дурачок ли ты, часом,

милейший? Не даун ли? Не олигофрен?

Идиотизмом, а уж тем более синдромом Дауна, а уж тем более олигофренией Рыба-Молот не страдал. Напротив, в нем присутствовал даже налет интеллектуальности. Во всяком случае, он – единственный из шеф-поваров от Кяхты до хохлацкого Мелитополя – покусился на квазидзэн-буддистскую книжку Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Покушение готовилось три с половиной года, но в самый ответственный момент что-то обязательно мешало ему свершиться. То Рыбу не устраивал формат издания, то переплет (слишком мягкий или, наоборот, слишком твердый – так что и в карман не сунешь). Отсутствие иллюстраций, присутствие иллюстраций, размеры шрифтов; картинка с чайкой на первой странице обложки (слишком натуралистичная), картинка с самим писателем (слишком ненатуральный, перестарались с ретушью!). После того как через руки Рыбы-Молота прошло как минимум семь Джонатанов Ливингстонов, у него возникла стойкая уверенность, что книжка вроде бы уже прочитана. Но как отличить прочитанное от непрочитанного? – в дзэн-буддизме рекомендаций по этому поводу нет. А если и есть – то так завуалированы, что без ста грамм не разберешься. А норма непьющего Рыбы не превышала пятидесяти. Единственное, что он знал точно: чайка по имени Джонатан Ливингстон – мужского рода, а не женского. Но по инерции продолжал называть чайку – «она». Так было привычнее и удобнее, и никакими дзэн-буд-

дизмами эту привычку не сковырнешь. Впрочем, Джонатан Ливингстон был единственным проколом: Рыба неплохо разбирался в джазе, автомобильной электрике, комнатных растениях и истории папства в цифрах и фактах. И со временем собирался издать сборник кулинарных рецептов. Название для сборника придумалось само собой: «Из жизни карамели и не только». Сокровенной мечтой о сборнике Рыба-Молот поделился с обеими своими женами – на девятый и сороковой день знакомства соответственно. Кошкина (с самого начала относившаяся к прожекам и начинаниям Рыбы со здоровым скептицизмом) заметила тогда:

– Ну вот, куда конь с копытом, туда и рак с клешней!

– В смысле? – беззлобно удивился Рыба-Молот.

– В смысле, что сейчас все стряпают кулинарные книги.

Все кому не лень, я имею в виду. От горе-сочинительниц детективов до артистов, фигуристов и прочих звездюлёй. Тьфу, пакость!.. Разве что винторогие козлы из зоопарка не отметились. И тигры-альбиносы.

– А при чем здесь тигры-альбиносы? Они и писать не умеют. У них вообще – не руки, а лапы.

– Бедный ты мой! – Кошкина посмотрела на тогда еще потенциального мужа особенным взглядом, в котором смешались презрение и жалость. Впоследствии этот (ставший фирменным) взгляд настигал Рыбу-Молота довольно часто. – Тигры-альбиносы – это художественное преувеличение. Призванное оттенить весь маразм кулинарной вакхана-

лии. Ферштейн?

– Ферштейн, – с готовностью подтвердил Рыба-Молот и больше с Кошкиной на тему сборника «Из жизни карамели» не заговаривал.

Эта тема всплыла много позже, когда он закрутил роман с Рахилью Исааковной. Рахиль Исааковна восприняла известие о еще не написанном карамельном талмуде без особого энтузиазма, поскольку считала, что кулинарных шоу на любезном ее сердцу ТВ развелось как собак нерезаных. А это идет в ущерб телеаналитике, телепутешествиям, телевикторинам, а также программам из жизни богатых и знаменитых и программам из жизни членистоногих, чешуекрылых и пресмыкающихся.

– Я и название уже придумал, – сообщил Рыба-Молот, успокоенный снисходительным молчанием Рахиль Исааковны, которое можно было принять за одобрение и поддержку.

– Какое же?

– «Из жизни карамели и не только»... По-моему, здорово. Необычно и свежо. А по-твоему, как?

Стоило ему произнести гипотетическое название, как глаза Рахили Исааковны остекленели, кончик носа забавно подогнулся, а по краям дотоле чистого лба волнами пошли морщины, почему-то напомнившие Рыбе-Молоту харизматичные морщины физика Альберта Эйнштейна. *И вообще...* – тут же подумалось ему, – *если состарить Рахиль Исааковну лет на сорок, приклеить ей усы и определенным об-*

разом взбить и зачесать волосы – как раз и получится Эйнштейн. Точная его копия. Клон.

Об Эйнштейне и его научной деятельности Рыба-Молот знал не больше, чем знает простой обыватель, а именно – ничего или почти ничего. Кажется, Эйнштейн был автором фундаментальной теории... э-э-э... относительности (докопаться до ее смысла человеку без спецобразования невозможно, это вам не дзэн-чайка по имени Джонатан Ливингстон); кажется, Эйнштейн время от времени показывал язык фоторепортерам и имел проблемы с завязыванием шнурков на ботинках. Кроме того, он был нетерпим к критике, волочил за каждой ладно скроенной и хорошо сшитой юбкой и то и дело наставлял рога своей жене (женам). Вдруг Рахили Исааковне передалась хотя бы часть этих несомненных достоинств?..

Не передалась. А если и передалась – то относительно, без всякой там фундаментальности.

Рахиль Исааковна не носила ботинок, кроссовок и прочей обуви со шнурками: она предпочитала модельные туфли летом и модельные сапоги зимой и в межсезонье. Показать кому-то язык? Фи, это не ее, Рахили Исааковны, случай – Рахиль Исааковна безупречна. Вне макияжа, укладки, педикюра с маникюром и чисто выбритых подмышек, ног и лобка она не существует. Критика ею приветствуется, но только конструктивная. А лучше – абстрактная, не переходящая на личности. Еще лучше – если критикуют не ее, а гнуснейшие

козьи морды из телевизора, имя которым – легион. Изменяла ли она Рыбе-Молоту, будучи замужем за ним? Неизвестно. Скорее всего – нет, разве что в мыслях. Стоя под контрастным душем. Поднимаясь по лестнице на их с Рыбой седьмой этаж, потому что лифт в доме вечно не работает. Рыба-Молот даже вычислил мужской тип, по которому втайне сохла Рахиль Исааковна. Никаких бицепсов, трицепсов и износостойких полиуретановых задниц. Никаких греческих профилей и двулчных ямочек на подбородке. Ничего от Аполлона, но всё – от Винни-Пуха, Квазимодо и Сирано де Бержерака. Чем хуже, тем лучше. Трехдневная щетина – почему бы и нет? Выпирающий кадык – и пес с ним! Перхоть, кариес, волосы в носу – переживем и это, куда деваться, что выросло – то выросло. Главное, чтобы избранник был с ней предупредителен, нежен и мягок, как тесто. Не качал права, не покушался на телевизионный пульт, был в состоянии забить гвоздь и поменять прокладку на кране. А также безропотно сопровождал ее по магазинам в сезон распродаж и давал дельные советы относительно косметики, парфюмерии и шмоток. И – главное – не дергался, как свинья на веревке, при виде других баб. Это у Кошкиной был миллион подруг с миллиардом проблем, и она добросовестно вникала во все, и Рыбу заставляла вникать. А у Рахили Исааковны подруг отродясь не водилось. Была лишь сестра Юдифь Исааковна, двумя годами моложе Рахили. Ничего хорошего о Юдифи Исааковне Рыба-Молот не слышал, а слышал характеристи-

ки одна нелестнее и паскуднее другой: Юдифь-де – сластолюбивица, нимфоманка и охотница до чужих мужей. Ни рожи ни кожи, а вот поди ж ты – пользуется бешеной популярностью у мужиков, причем семейных, *о чем это говорит?*

– О чем? – всякий раз спрашивал Рыба-Молот.

– О том, что все мужики – козлы. К тебе это, конечно, не относится, *пупочка моя*. Ты у меня – исключение, лишь подтверждающее правило. Ты ведь исключение?

– Вроде того.

– Но если я узнаю, что ты где-нибудь, когда-нибудь, с кем-нибудь...

– Никогда, нигде, ни с кем...

– Смотри у меня! А то все закончится, как в фильме «Музей восковых фигур».

Кровавый финал «Музея восковых фигур» был не единственным вариантом развития событий, имелись и другие, не менее одиозные. Сборная солянка из «Пилы», «Возвращения реаниматора» и «Поворота не туда». Сплошной ужас-ужас-ужас, конченный трэш-трэш-трэш. Ужас и трэш настигали Рыбу-Молота три раза в месяц, в ночь с понедельника на вторник, когда основные телеканалы уходили на профилактику и скорбящая по мерцанию экрана Рахиль Исааковна включала DVD.

Ничего, кроме ужастиков, она не смотрела. Лишь однажды Рыба-Молот заикнулся о том, что неплохо бы разнообразить репертуар какой-нибудь мелодрамой или, на ху-

дой конец, лирической комедией – и тотчас же был обвинен в пошлости, отсутствии вкуса и поиске легких путей в искусстве.

Каким образом фильмы ужасов способствуют развитию этого самого вкуса, Рахиль Исааковна не пояснила. Но это не суть важно. Важно то, что **«с-с-страшное кино»** вырабатывает декалитры адреналина, а Рахиль очень нуждается в адреналине. Конечно, она могла бы добывать его другими способами: прыгая с парашютом, например. Играя на бирже, играя в казино, подворовывая шмотки в бутиках и продукты в супермаркетах. Сюда же можно добавить занятия экстремальными видами спорта, стрингерство, дайверство, посещение горячих точек в составе группы правозащитников и полеты рейсовым «Як-40» по маршруту Дудинка – Воркута. Но такого рода эксперименты над личностью Рахиль Исааковна отвергает напрочь:

- а) из-за риска разбиться, разориться, утонуть, быть оплеванной альтернативной группой правозащитников;
- б) из-за риска сломать шею;
- в) из-за риска сломать ноготь;
- г) из-за риска попасть в каталажку, что выглядит бесславным само по себе.

Ночные просмотры подобных угроз не несли, а если кто и страдал, так только Рыба-Молот. В самый ответственный момент расправы над жертвой Рахиль Исааковна крепко зажмурировала глаза и хватала Рыбу за руку. Пронзая кожу ост-

рыми и твердыми, как у тираннозавра, когтями экстремальной длины.

– Ну, рассказывай, что там происходит! Только в подробностях! – требовала она.

– Он к ней подходит, – содрогаясь, блеял Рыба-Молот.

– С тесаком?

– С тесаком и с ножом.

– А она?

– Она ничего не подозревает.

– Ну! Не молчи!

– Теперь заподозрила.

– И?

– Бежит.

– А он?

– Бежит за ней.

– А она?

– Кричит как резаная.

– Я и сама слышу, что кричит, не отвлекайся. Чего она делает-то?

– Вызывает лифт.

– Лифт, конечно, застрял между этажами. Старая хохма, могли бы что-нибудь поинтереснее придумать...

– Все, лифт пришел.

– Двери заклинило?

– Открылись.

– И?

– Она уже внутри, но двери не закрываются. Нет, вроде поползли...

– А он?

– Машет тесаком сантиметрах в двадцати от кабины.

– Ну, не идиот ли? Надо было ногу подставить, чтобы кабину заблокировать!..

– Так и сделал...

– Ну, слава богу, дотумкал! Теперь чего?

– Орет и глаза пучит.

– Кто пучит? Он?

– Она.

– Еще бы не пучить, ведь конкретный пипец котенку! Пипец или нет еще?

– Почти... Он уже в кабине, рубит по башке.

– Тесаком?

– Угу.

– А нож почему не задействовал?

– Ножом вроде тоже тыркает... Все. Отмучилась, бедняжка...

– Кровищи много?

– Хватает.

– Фу, мерзость!..

Убедившись, что эпизод подошел к логическому концу, Рахиль Исааковна переводила дух, открывала глаза и углублялась в происходящее на экране – вплоть до очередного момента с нападением, расчлененкой и освеживанием туш. По-

сле сеанса начинался разбор полетов: каким образом можно было бы избежать столкновения с маньяком, а столкнувшись – спастись (по законам жанра выходило, что никаким). Так же, в жанровых рамках, серьезно обсуждалась проблема повышения маньяческой производительности труда. В одной упряжке с производительностью рассматривалась и многовариантность подхода к жертве: Рахиль Исааковна кляла недостаточно, по ее мнению, изобретательных хламоделов-создателей.

– Ножи, топоры, бензопилы, струны от карниза... Рутинка, блин, муть лодейнопольская! Станция Дно, приехали-слазьте! Никакой фантазии! Никакого полета! А ты как думаешь, *пупочка?*

– Полностью с тобой согласен, кисонька, – всякий раз отвечал Рыба-Молот, с тоской вспоминая Кошкину. Кошкина подобные мясницкие экзерсисы терпеть не могла, предпочитая им авторское кино. Или «арт-хаус», как она его с придыханием называла. Рыбе хватило пары просмотров, чтобы убедиться: это отнюдь не альтернатива фильмам ужасов, скорее – еще одна их разновидность. Но, во всяком случае, обходилось без зажмуривания и хватания за руки. На арт-хаус Кошкину посадили две ближайšie подруги – Палкина и Чумаченко. Палкина слыла адепткой европейского независимого кино, а Чумаченко – американского. В этом было их единственное различие, во всем остальном они являлись точной копией друг друга: кошмарные старые девы, разнуз-

данные анархистки, феминистки с уклоном в суфражизм, вегетарианки со стажем, активные борцы за права животных и секс-меньшинств. Больше всего Рыба-Молот боялся, что либеральные шахидки втянут его женушку в какую-нибудь запендю похлеще арт-хауса. Поволокут на митинг протеста против всего на свете, заставят клеить прокламации на водосточные трубы, заседать на антигосударственных форумах в Сети и жрать печеную брюкву вместо медальонов из телятины под соусом бешамель.

Рыбу-Молота Палкина с Чумаченкой терпеть не могли, называли жлобом, бычарой, пейзажином, недотыкомкой и – почему-то – вонючим бургером. Последнее определение казалось Рыбе особенно оскорбительным: за собой он следил не хуже какого-нибудь метросексуала, брился по два раза на дню, не жалел денег на одеколоны, кремы и гели, а однажды решился даже на депиляцию волос на груди.

Чертова депиляция прошла настолько болезненно, что Рыба едва не отдал концы. Кошкина (ради которой все и затевалось) мужнина подвига не оценила. Напротив, тут же пришила ему кличку **«бруталь-фаталь»**, с коей Рыба и проходил до тех пор, пока волосы снова не отросли.

Нет, если кто и был самым настоящим вонючкой, – так это милые кошкинскому сердцу Палкина с Чумаченкой. Палкина, несмотря на весь свой евроатлантический интеллектуализм, никогда не мыла рук ни после туалета, ни до него.

А Чумаченко, несмотря на Д. Аронофски ¹ и *гори, Голливуд, гори!* благоухала потными подмышками. И вот с этими монструозными дамочками Рыба-Молот был вынужден делить соседние кресла в Доме кино, куда Кошкина с завидным постоянством таскала его на арт-хаусную блевотину.

Вылазки в ДК назывались «культурологическим ликбезом» и опускали Рыбу на приличную сумму: за посиделки в местном кинематографическом буфете неизменно расплачивался «жлоб» и «недотыкомка».

– А что же ты хотел, *рыбёц мой золотой*, – увещевала мужа Кошкина. – Ты ведь среди нас единственный мужчинка. Тебе и платить.

– Ну, не знаю – единственный ли... Водку твои стервы хлещут так, что призадумашься, – кто из нас больше мужик.

– Подумаешь, выпили рюмочку-другую для поднятия тонуса. А ты и напрягся не по-детски.

– «Рюмочку-другую», как же! Они по пол-литра на рыло выжирают в один присест.

– Будь великодушен к женским слабостям, и тебе зачтется.

– Где это мне зачтется?

– На том свете. Реинкарнируешься в арабского шейха.

– Была охота...

– Тогда в чемпиона Формулы-1. Хочешь быть чемпионом?

¹ Американский режиссер. (Здесь и далее – примеч. авт.)

– Хочу пореже видеть твоих барракуд. Это возможно?..

Просьба не выглядела запредельной, более того, она была вполне законной, – но Кошкина почему-то воспринимала ее в штыки. Чего только не выслушивал Рыба в такие моменты! – что он черствый, косноязычный, малообразованный и, вместо того чтобы расти над собой, предпочитает тихо разлагаться в собственном невежестве.

А это – чудовищно! *Фу, мерзость!..*

Далее следовал пассаж о том, что если уж судьба послала Рыбе-Молоту умниц, интеллектуалок и просветительниц, то он должен воспользоваться этим шансом на всю катушку, а не кочевряжиться. Не выдрючиваться. Не выделяться, как вошь на гребне.

Воображение у Рыбы было не так чтоб очень богатым и перенасыщенным образами – оттого и выделяющуюся на гребне вошь он представлял в виде сильно уменьшенного в размерах Валерия Леонтьева (иногда – Валерия Сюткина с саксофоном, иногда – Валерия Меладзе с подтанцовкой). Забыть об этих деятелях шоу-биза не давала и сама Кошкина. Отправляясь с Рыбой на встречу с фуриями, она наставляла мужа:

– Помнишь, что надо держать рот на замке относительно... сам знаешь кого?

– Угу.

– А про кого можно говорить?

– Про Ива Монтана.

– Еще про кого?

– Про Жака Бреля.

– Еще про кого?

– Про Жоржа... э... как его там...

– Про Жоржа Брассенса, неуч! Повтори три раза!

– Жорж Брассенс, Жорж Брассенс, Жорж Брассенс.

– Смотри не перепутай! А как называется моя любимая песня у Ива Монтана?

– Э-э... «Ля бисиклетте».

На самом деле у Кошкиной было три любимых песни, и все они не имели никакого отношения к французскому шансону: про дельтаплан, про девушек из высшего общества, которым «трудно избежать одиночества». И про часики, где безыскусное «тик-так» рифмовалось с еще более безыскусным «люби просто так». Но заикнуться про гребанные «Часики» в присутствии Палкиной с Чумаченкой смерти подобно. Сразу получишь черную метку и будешь заклеивать, как инфузория, примитив, квинтэссенция пошлости и светоч дурновкусия. Вот Кошкиной и приходилось тщательно скрывать свое истинное лицо – не хуже шпиона, работающего под прикрытием. Зачем ей это нужно и зачем вообще нужны встречи с людьми, с которыми ты не можешь быть самим собой, Рыба-Молот так и не понял. А Кошкина не удосужилась объяснить. Вернее, она честно пыталась это сделать, но логику жены Рыба все равно не постиг.

– Пусть не думают, что я какая-нибудь дура! – вопила она

на кухне после возвращения с очередного просмотра очередной кучи дерьма под названием «короткометражное кино Тринидада и Тобаго».

– Никто и не думает, кисонька. – Рыба, как мог, пытался успокоить Кошкину. – Лично я считаю, что ты очень-очень умная.

– А твое мнение вообще никого не волнует, *рыбец!*..

Это была чистая правда. Достаточно обидная для Рыбы-Молота. Будь он не таким мягким и спокойным по характеру, давно бы поставил вопрос ребром: *выбирай, кисонька, – или я, или твои подруги*. Причем речь шла не обо всем миллионе кошкиных подруг (женщин, стоящих на разных ступенях интеллектуального развития, но при этом – милых и славных в большинстве своем). Речь шла только об этих двух вырожденках, биче рода человеческого вообще и женского в частности. Но именно они – к большому сожалению Рыбы – имели на Кошкину влияние: тотальное и совершенно иррациональное по сути. Ноги этого влияния, возможно, произрастали из детства и юности Кошкиной: Палкина с Чумаченкой присутствовали и там, сначала в качестве одноклассниц, а затем – однокурсниц по университету. По словам Кошкиной, за ними ухаживали лучшие университетские умы, которые теперь занимают о-го-го какие должности в государственных и бизнес-структурах. *Только ш-ш-ш* (палец к губам и закатившиеся под веки глаза), *упоминать конкретные имена мы не станем!*

– Ну и почему никто из этих умов на них не женился? – задавал вполне резонный вопрос Рыба-Молот.

– Потому что... Потому что... – Тут Кошкина набирала в легкие побольше воздуха. – Потому что они неординарные. Незаурядные. Блистательные, вот! И любому мужику сто очков вперед дадут. А мужики этого терпеть не могут. Скажешь, нет?

– Нет, конечно. Взять, к примеру, меня...

– Вот только давай не будем брать тебя, – морщилась Кошкина. – Тоже, сравнил писюн с коробкой передач! Вот если бы ты был Нобелевским лауреатом... Знаменитым писателем похлеще Захер-Мазоха... Этим... как его... лидером мнений... Тогда можно было бы отнестись с уважением к тому, что ты там квакаешь... Нет, лучше молчи, не раздражай меня.

– Я и так молчу, кисонька. Скушаешь оладушков?... Свеженьких напек.

Кошкина, снедаемая душевными муками, с остервенением набрасывалась на оладьи и была в эти минуты так хороша (горящий взор, лоснящиеся губы, зверский аппетит), что Рыба-Молот сожалел обо всем сразу. Что он – не лауреат Нобелевской премии, не писатель Захер-Мазох, не выдающийся ум, который заседает где-то там, в тропосфере, на перисто-кучевых облаках бизнеса и власти. Тогда две прошмандовки Палкина с Чумаченкой сразу бы заткнулись, а авторитет его жены Кошкиной взмыл бы до небес – во все ту же

тропосферу. Или даже – в стратосферу. Или даже – в глубины космоса. И засиял там, затмевая солнце.

У самого Рыбы таких проблем с друзьями не было – по причине отсутствия последних. Имелся, правда, закадычный приятель по армии, Колян Косачёв, но Колян исчез с горизонта лет десять назад. Вроде бы он, спасаясь от свинцовых мерзостей российской жизни, ломанулся в Европу, и не куда-нибудь, а во Францию. И даже поступил в Иностранный легион, чтобы со временем выцыганить себе французское гражданство. Получилось это у него или нет, история умалчивает. Лишь однажды пришла от Коляна пожеванная открытка с изображением львиного прайда на фоне саванны и стершимся, маловразумительным штемпелем. Послание в четыре строки состояло из сплошного ненорматива, так что понять, хорошо ли Коляну, или он, наоборот, загибается, не представлялось возможным. Более-менее адекватной выглядела концовка:

«Некисло бы увидеться, Санёк, да хер его знает когда».

«Не кисло бы», – подумал Рыба-Молот, страшно разволнованный по поводу нецензурного львиного прайда. Ему тотчас захотелось выпить чего-нибудь слабоалкогольного и предаться воспоминаниям о времени, когда они с Коляном были салагами-первогодками, – времени стремном, жоповатом, но и прекрасном одновременно.

Предаваться воспоминаниям (по любому поводу, а не только связанному с армией и Коляном) Рыба-Молот пред-

почитал на нейтральной территории, у второго своего приятеля и соседа по лестничной клетке – Людвигу Эмильевичу, по прозвищу Агапит.

Людвигу Эмильевичу последовательно и совершенно искренне ненавидели обе Молотовские жены. И три официальных жены самого Агапита, и четыре гражданских (задержавшихся у него на сроки, редко превышающие месяц). И еще пара десятков человек – преимущественно женщин. Притом что Агапит был существом тишайшим, нежнейшим, непьющим и некурящим, не лишенным юмора и непритязательным в быту. Своими познаниями об Эйнштейне Рыба-Молот был обязан именно Людвигу Эмильевичу. Он же, как профессиональный физик, попытался скормить Рыбе и теорию относительности во всей ее первозданной красоте.

– Нет уж, Агапитыч, – взбунтовался Рыба. – Эту мутотенья не потяну. Давай уж лучше про своих пионэров шарманку заводи.

«Пионэры» – вот что являлось корнем зла! Вот что отпугивало от Агапита всех поначалу лояльно и оптимистически настроенных женщин. Ведь Агапит был страстным фанатом космической дилогии «Москва – Кассиопея» и «Отроки во Вселенной», выпущенной на экраны страны в далеком и почти уже неправдоподобном 1974 году. В дилогии повествовалось о семерых подростках, отправившихся на звездолете «Заря» к далекой звезде Шедар в созвездии Кассиопеи. Экранные подростки скакали, как козлы, сквозь гиперпро-

странство, вступали в контакт с терпящей бедствие инопланетной цивилизацией, одерживали победу над злодеями-роботами, пели песни под гитару в кают-компании и permanently выясняли свои, подростковые отношения. Хотя, в общем, любили друг друга. А Агапит любил их – всех вместе и каждого по отдельности. Любил гораздо больше, чем своих жен и родственников из плоти и крови. «Пионэры», а заодно и инопланетяне, а заодно и роботы-исполнители с роботами-вершителями были для него реальностью. А остальной мир – нет. О чем бы ни говорил Агапит, он – рано или поздно – обязательно сбивался на несовершеннолетний экипаж звездолета «Заря». И на размышления о том, в какой точке Вселенной он находится в данный момент.

– А может, твои пионэры и вернулись уже, – беззлобно подтрунивал над Агапитом Рыба-Молот. – Устроились консультантами в НАСА...

– В НАСА – это вряд ли. Они – патриоты родины, – на полном серьезе отвечал Агапит. – И если бы они вернулись – я бы знал. Если бы они вернулись – весь мир изменился бы к лучшему. Потому что они – такие.

– Какие?

– Настоящие.

«Настоящие последние романтики, отважные герои, лучшие представители планеты Земля, чуждые меркантильности, злобе и волчьим законам современного постиндустриального общества». Такую простую мысль пытался донести

Агапит до всех, желающих выслушать его. При этом число желающих стремительно приближалось к абсолютному нулю и обязательно достигло бы его, если бы не Рыба-Молот. В отличие от остальных Рыба не считал Агапита сумасшедшим, место которого в психушке; напротив, он рассматривал поклонение «пионэрам» как своего рода религию. Верят же люди в Бога, кем бы он ни был, – Буддой, Иисусом или Кетцалькоатлем, – и никому не приходит в голову бросить в них камень. Рыба-Молот этого уж точно не сделает, он – человек веротерпимый. Толерантный во всех отношениях. Даже к одичавшим сектантам и распространителям брошюрок «Благая весть» он относится без неприязни. Однажды угостил бутербродами и кофе юную представительницу Адвентистов Седьмого Дня, в другой раз прочел лекцию о вреде уличной шаурмы двум сайентологам и обогатил трех кришнаитов рецептом приготовления чечевицы с карри, барбарисом и фенхелем.

Агапита Рыба-Молот тоже подкармливает и ежегодно накрывает поляну в честь киностарта «Отроков». В праздничном меню значатся:

1. Салат из морепродуктов «Звезда Шедар».
2. Шашлыки (любимое блюдо юных космонавтов).
3. Ягодно-йогуртовый торт, выполненный в виде *аннигиляционного релятивистского ядерного* звездолета «Заря».

Прежде чем сожрать торт, Агапит внимательно изучает его, указывая Рыбе на недостаточную проработку деталей.

И на несоответствия между реальным звездолетом и его сладкой копией. Нужно отдать должное Рыбе-Молоту: он выслушивает чудика-соседа без раздражения, обещает исправить недостатки конструкции к следующему году и заменить смородину на чернику – потому что на смородину у Агапита аллергия, а с черникой никаких проблем не возникает.

Взамен на бескорыстный интерес к судьбе «пионэров» Рыба-Молот получил от Агапита доверенность на управление его стареньким «Опелем»; бесполезные, но греющие душу знания относительно расположения созвездий на небе: теперь он ни за что не спутает Цефей с Волосами Вероники, а Андромеду с Волопасом. Правда, Кошкина с Рахилью Исааковной остались глухи к поползновениям Рыбы указать им, кто есть кто в мире звезд.

– Только без дешевой романтики, – фыркала в свое время Кошкина.

– Звезды – это совсем другое. Звезды – в телевизоре, а не на каком-то там небе, – фыркала в свое время Рахиль Исааковна.

Подобные высказывания характеризовали их как недалеких самок, а вовсе не как существ высшего порядка. «Существа высшего порядка не могут не стремиться вверх. Ведь там, наверху, на небесах и случается с нами самое главное», – утверждал Агапит, и Рыба-Молот был, в общем-то, с ним согласен. Оттого и приходил к Агапиту поглазеть на роскош-

ную, гигантской величины карту звездного неба, которая была наклеена на потолок в гостиной. Лежа на полу, с банкой дешевого энергетического напитка в руке, он часами мог думать о том, что происходит в его жизни, и что когда-либо происходило, и что еще может произойти.

По всему выходило, что ничего особенного.

Сплошная статика – прямо как на карте над ним, где часть судьбоносного созвездия Кассиопеи заляпана чернилами (недобрая память о первой жене Агапита); где на Млечном Пути проглядывают несанкционированные следы от жженных спичек и майонезные разводы (недобрая память о второй и третьей его женах).

Все-таки чужие странности заразительны, – лениво вглядываясь в карту, думал Рыба-Молот. Ничем другим не объяснишь жгучее желание, чтобы карта ожила, втянула его в сильно искривленное пространство, в иную действительность. Где все меняется – ежеминутно, ежесекундно! Где тебя ждут упоительные приключения и такая же упоительная неизвестность.

– Это что, – не раз говорил ему Агапит. – Я могу показать тебе настоящее звездное небо, каким его видит глаз телескопа. Это – очень мощный телескоп, я сам его собирал...

– И где же он, твой телескоп?

– На даче, в Сярьгах.

Несмотря на то что Сярьги находились минутах в двадцати езды от города и считались курортным местом, Агапит не

был там лет шесть, а Рыба-Молот – и вовсе ни разу. Когда же они, после полугодичных разговоров и трехмесячных пригот-товлений, все-таки выбрались на свидание с телескопом, их ожидал полный облом. Дача оказалась прихватизированной третьей женой Агапита, паспортисткой в одном из ЖЭКов Адмиралтейского района.

– Какого хрена приперся, дурак космический? – завопила жена из-за забора.

– Я, собственно...

– Ты, собственно, здесь никто! И проваливай отсюда по-добру-поздорову, пока я на тебя собак не натравила!..

– Позволь...

– Тебе позволь только! Вмиг нормального человека до шизофрении доведешь. Еще и с дружкой приехал, не постес-нялся! Тоже, небось, космонавт из дурки!

– Я попросил бы вас, – Рыба-Молот кашлянул и опу-стил свой обычный баритон до умиротворяющего (в духе ев-ропейского парламентаризма) баса. – Попросил бы вас не устраивать дебош. И пропустить законного владельца на за-конную территорию.

– Была законная! – демонически захохотала паспортист-ка. – Да вся вышла. По всем документам теперь значится мо-ей. А если будете хулиганить и искры высекать – живо в мен-товку загремите. Уж там вас... это... аннигилируют к черто-вой матери!

– Ты был женат на глубоко непорядочной женщине, – за-

метил Рыба-Молот приятелю. – А проще говоря – на ведьме.
– Чего? – раздалось из-за забора.
– На змеюке подколодной. На стервятнице. На лабораторной крысе.
– Лабораторные крысы – довольно симпатичные животные, – заметил не потерявший самообладания Агапит.
– Вас еще и за оскорбление личности привлекут! Всё, пошла за телефоном...
– Я могу хотя бы забрать свои вещи?
– Не было тут никаких вещей! А если и были – ищи их на свалке!

Агапит схватился за сердце и слегка покачнулся вперед – и наверняка бы упал, если бы Рыба не поддержал его.

– Телескоп... – только и смог прошептать несчастный.
– Телескоп верните, – продублировал Рыба-Молот. – Телескоп... э-э... числится на балансе Пулковской обсерватории. Зарегистрирован в Академии наук! Это – национальное достояние, так-то! Верно я говорю, Аг... Людвиг Эмильевич?

– Мне нужен телескоп...
– Верните прибор, бесчестная женщина! – Чтобы продемонстрировать несгибаемость духа и серьезность намерений, Рыба стукнул кулаком по калитке.

– За «бесчестную» тоже ответите, – пропела паспортистка в ритме экзотической для северных широт босса-новы. – Уже набираю номер, набираю номерок. Нолик-нолик-нолик!

Двойка-двойка-двойка! Сейчас блюстители придут и вас, мерзавцев, заметут!

– Ну, чего делать будем, Агапитыч? Поворачиваем оглобли или вступаем в неравный бой?

На лице Агапита явственно читались тоска, бессильная ярость и жгучее желание, чтобы сейчас, сию минуту рядом с ним оказалась семерка отроков из глубин космоса. Вооруженная бластерами, аннигиляторами и – главное – обостренным чувством справедливости, которое вызывает к жизни отвагу и стремление защитить всех униженных и оскорбленных. А Агапит с Рыбой-Молотом в данный момент были как раз и унижены, и оскорблены.

– Выбора нам не оставили, – наконец сказал Агапит. – Поворачиваем оглобли.

Некоторое время они посидели на скамейке у дома на противоположной стороне улицы.

– Тебе надо в суд подать на эту тварь, – заметил Рыба-Молот, пытаясь разглядеть, что происходит за жидким забором бывшей Агапитовой дачи.

Там бегали два беспривязных ротвейлера, сушилось исподнее паспортистки и ухал генератор.

– Какой там суд... Она же работает в структурах власти, а там рука руку моет. И ничего нельзя добиться в принципе. – Агапит проявил удивительную для космического отшельника осведомленность в земных делах.

– Телескоп жалко...

– Да ладно, новый соберу... Как-нибудь на досуге.

– Не могла же она его уничтожить!

– Эта? Эта все может, поверь. Хорошо еще, что квартиры меня не лишила. С нее случилось бы...

– И как только ты умудрился вляпаться в такое дерьмо?

– Все мы рано или поздно вляпываемся, разве нет? Вот ты...

– Ну, у меня все по-другому

– По-другому, да. Только штамп о расторжении брака каждому одинаковый рисуют.

Агапит знал, о чем говорит: две недели назад Рыба-Молот развелся со своей второй женой Рахилью Исааковной и пребывал не в самом лучшем расположении духа. Собственно, благодаря этому разводу и состоялась их поездка в Сярги. При Рахили Исааковне подкаблучник Рыба ни за что не решился бы отправиться куда-либо с человеком, которого та считала сумасшедшим. Нет, отправиться, конечно, можно было, но потом Рыбу ждала бы лесопилка на дому. Небольшой скандал в стиле худ. фильма «Мамочка-убийца». И настоятельные советы посетить психолога/психотерапевта/психиатра – с последующей сдачей на анализ крови, мочи и мазка из задницы. Поскольку в какой-то передаче (оказавшейся впоследствии псевдонаучной и антигуманистической) Рахиль Исааковна подцепила дурацкие сведения о том, что сумасшествие заразно. И что существуют специально выведенные в лабораторных условиях штаммы шизофрении,

кататонии, истерии, генуинной эпилепсии, старческого слабоумия и многочисленных неврозов. А Рыба-Молот, в силу природной незащищенности и неразборчивости в общении, вполне мог подцепить кое-что из списка.

Кошкину подобные бредовые идеи не посещали, но и она была против «полудурка Агапита» – особенно после того, как он, приглашенный сердобольным Рыбой на празднование Нового года, явился в костюме инопланетного робота-вершителя. На менее экстравагантную экипировку отроков Агапит даже не покушался – из чистого благоговения перед космическими героями.

– ...Я ведь уезжаю, Агапитыч, – сказал Рыба.

– И куда?

– В Салехард. Пригласили поднять один тамошний ресторан.

– Надолго?

– Как получится. Может, на год. Может – на подольше, если приживусь.

– Не приживешься.

– Посмотрим...

Известие об отъезде в тмутараканьный Салехард не удивило Агапита. Те же манипуляции со сменой обстановки Рыба проделал и после развода с Кошкиной – но тогда на повестке дня стоял город Трубчевск Брянской области. Там Рыба-Молот тоже «поднимал ресторан». И вероятно, превратил бы самую обыкновенную местную распивочную в филиал па-

рижского «Максима», если бы ее владельца не пришили конкуренты, имевшие свои виды на помещение.

Собственно, и Трубчевск всплыл совершенно спонтанно. Помыкавшись в юности по перифериям, Рыба не собирался покидать Питер, он вполне мог отыскать работу и здесь, – с его-то квалификацией, обстоятельностью и вечным стремлением к перфекционизму. Но, после того как за Кошкиной навеки захлопнулась дверь, его стали донимать звонками Палкина с Чумаченкой. Это были отнюдь не коллективные манифесты, обличающие бычару и недотыкомку, который отнял у драгоценной подруги Пэ-Чэ несколько драгоценных лет жизни, – а ведь эти годы могли быть потрачены на европейское независимое кино, на американское независимое кино, на труды Ортеги-и-Гасета, на музыку Софьи Губайдуллиной, на acid jazz. Палкина и Чумаченко звонили отдельно друг от друга, в темное время суток, иногда даже в два часа ночи и позже. Ни слова о вяжущем рот арт-хаусе – сплошное облако сочувствия несправедливо брошенному, недооцененному мужчине; сплошной фимиам. *Между нами, девочками, ваша жена Кошкина, Александр Евгеньевич, была та еще фря! Неумная, нечуткая, и жлобиха к тому же. Ее культурный уровень всегда равнялся нулю, разве такая женщина вам нужна?*

– Почему же – нулю? – благородно вступался за Кошкину Рыба. – А Жак Брель? А Жорж... э-э... Брассенс, Жорж Брассенс, Жорж Брассенс? А Ив Монтан – «Ля бисиклетте»?

Не смешите, Александр Евгеньевич! Она даже не знала, как переводится «Ля бисиклетте» и про что вообще поется в этой песне! И шлюшонкой она была знатной, так и вешалась на шею всяким проходимцам, к вам это не относится... Вы – жертва обстоятельств.

– Никакая я не жертва. – Рыба-Молот прямо-таки задалбался выступать с бесконечными телефонными опровержениями. – И мне бы не хотелось, чтобы имя моей жены, хоть и бывшей... предавалось анафеме. Да еще со стороны ее близких подруг. Людоедство какое-то... Каннибализм, честное слово! А еще утверждаете, что вы вегетарианки...

Кстати, о вегетарианстве, дражайший Александр Евгеньевич! Говорят, у вас есть прелестнейший рецепт чечевицы с карри, барбарисом и фенхелем... Вы бы не могли поделиться им? Или нет... Было бы волшебным попробовать чечевицу непосредственно из ваших рук. Может, сходим в киношку в ближайшие выходные? Идет чудная американская комедия, с Джимом Керри в главной роли...

Джим Керри, кривляясь и паясничая, выпрыгивал из уст американизированной по самые помидоры Чумаченко, хотя раньше она его иначе как «дешевкой» и «амикошоном» не называла. В случае с Палкиной речь заходила о звезде европейского коммерческого кинематографа Жане Рено, идущего в связке с любителем голливудского бабла Люком Бессоном, «начинавшими вполне пристойно, а потом скативши-

мися до циничных поделок».

Клеятся, сучки, не иначе! – осенило Рыбу после десятого звонка Палкиной и двенадцатого Чумаченки. – *Вот и верь после этого в женскую дружбу, женский интеллект и вечное сияние чистого разума! Паскуды, ёптить! Харыпъё!..*

«Харыпъём» или «харыпами» он, по сохранившейся с юности шахрисабзско-ташкентской привычке, называл людей недалеких, неумных и попросту жлобов – тех самых, которых все поминали высоколобые кошкинские подруги. «Высоколобые», как же!.. Банальные охотницы за мужскими скальпами, спасу от них нет! Давно пора послать их на три веселых буквы, а не выслушивать мутные ночные откровения. Но Рыба-Молот был человеком мягким, вежливым (с женщинами особенно) и послать кого-то не мог по определению.

И вот когда общая масса звонков от Пэ-Чэ достигла критического значения, подвернулся Трубчевск. Рыба согласился на пришедшее из глубин Интернета предложение едва ли не с радостью: появляется время и место для зализывания ран после развода – это раз. Появляется возможность избавиться от надоедливого дуэта – это два. В Трубчевск, в Трубчевск – и «арба менга, арба!», что в переводе с шахрисабзско-ташкентского означает *карету мне, карету!*

Обошлось, впрочем, без кареты: Рыба-Молот отбыл в Брянскую область поездом, а провожал его все тот же верный Агапит. И в качестве презента преподнес космическую

диологию на DVD – чтобы Рыба не забывал истоки и не терял связь с прекрасным. Даже в забытом Богом Трубчевске.

Рыба был тронут – несмотря на то что (под чутким руководством Агапита) просмотрел «Отроков» раз пятнадцать.

Но и шестнадцатый не помешает. И двадцать пятый.

Из трубчевской ресторанной ссылки он вернулся на десять месяцев раньше, чем планировал. И снова возвращение напоминало бегство: на этот раз – по объективным причинам, а не по субъективным, как было всегда. После того как его работодателя нашли в vip-сауне с дыркой в голове, у Рыбы-Молота появились основания опасаться за свою жизнь. Насколько они были серьезными – другой вопрос. Наверняка не слишком.

Рыба вернулся домой с нашлепкой на холодильник (герб г. Трубчевска: крепостная стена с птицей в верхней (синей) части и три созревших плода в нижней (желтой) – то ли груши, то ли смоквы). Нашлепка заняла свое место среди других магнитов с изображениями городков и городишек, где Рыба-Молот имел несчастье работать по специальности. От третьих лиц он узнал, что перебравшаяся в Москву Кошкина теперь вроде бы сожительствует с программным редактором одной из радиостанций FM-диапазона. *Сбылась-таки мечта идиотки*, – подумал Рыба и мысленно пожелал своей бывшей счастья.

Палкина с Чумаченкой больше не проявлялись – ни в телефоне, ни (самое главное) в жизни. Пары месяцев им хва-

тило, чтобы выкинуть из головы *дражайшего Александра Евгеньевича* и его неподражаемую чечевицу с карри, барбарисом и фенхелем.

Те же третьи лица, спустя еще некоторое время, познакомили Рыбу с Рахилью Исааковной, и он впал в очередной любовный транс, закончившийся регистрацией брака без свидетелей: практичная дочь своего народа Рахиль Исааковна не любила пышные торжества и неизбежно связанные с этим траты.

Разрыв с Рахилью Исааковной Рыба пережил с не меньшей остротой, чем разрыв с Кошкиной, – разве что обошлось без домогательств подруг (коих, как уже говорилось, не существовало в природе). Один раз, правда, его посетила родная сестра Рахили – Юдифь Исааковна. Это не было личной инициативой – Юдифь Исааковна действовала по поручению своей ближайшей родственницы. Она-де кое-что забыла в доме у Рыбы, а именно: два лифчика, пять пар колготок, комплект постельного белья с видами Мальдивских островов, кофемолку, дорожный набор ниток, набор для приготовления фондю, пудреницу, редкую зубную нить с ароматом дыни, книгу Бориса Виана «А потом всех уродов убрать», сборник сканвордов, карты Таро, фотоальбом со снимками Рахили Исааковны в разных видах, разном возрасте и с разными людьми (Юдифи Исааковне места на фотках не нашлось).

Краснея от смущения, Юдифь Исааковна протянула Рыбе

список подлежащих изъятию предметов, отказалась от чая и творожной запеканки (в тот день на обед у Рыбы-Молота была как раз творожная запеканка с изюмом и цукатами) и сообщила, что у нее всего лишь полчаса времени, *успеет ли Александр собрать все необходимое?*

Рыба сказал, что постарается, и пробежал глазами бумажку; особенно его умилил пункт с дорожным набором ниток, купленным Рахилью Исааковной на ближайшем рынке, в торговой палатке «ВСЁ ПО 10». А также пункт с набором для приготовления фондю – он-то как раз стоил немалых денег и был приобретен самим Рыбой задолго до знакомства с Рахилью Исааковной.

Но вдаваться в рассуждения о крохоборстве Рахили (тем более в присутствии ее сестры) Рыба-Молот не стал. Наоборот, безропотно сунул в принесенный Юдифью Исааковной баул фондюшницу со всеми причиндалами, а к кофемолке добавил упаковку молотого кофе. Книжки Виана «А потом всех уродов убрать» почему-то не нашлось, и Рыба заменил ее другой, того же автора, – «Я приду плюнуть на ваши могилы». Все остальные вещи в полном составе отправились в баул, после чего Рыба снова пригласил Юдифь Исааковну откусать запеканки и снова получил отказ.

Юдифь напомнила ему трепетное, пугливое животное – но не серну и не газель, скорее – суслика-сурикату. Те же большие голодные глаза, сильно выдвинутая верхняя челюсть и почти полное отсутствие нижней. Подбородок тоже

просматривался с трудом. Оставалось загадкой, как с такой затрапезной внешностью ей удастся охмурять десятки, если не сотни женатиков. Рыба уж точно бы не клюнул на подобное великолепие!.. Но он ведь теперь и не женат больше.

– Как поживает Рахиль Исааковна? – светски спросил Рыба-Молот.

– Рахиль поживает неплохо. – Юдифь Исааковна, все полчаса подпиравшая входные двери и не сделавшая от них ни шагу, дернула ручку с явным желанием побыстрее покинуть помещение.

– А как ее драгоценное здоровье?

– Здоровье в норме.

– Что же она сама не пришла за вещами?

– Не знаю. Наверное, ей больно видеть вас. Мне было бы больно...

– Как будто это я был инициатором развода! Сама его затеяла, а теперь ей, видите ли, больно.

– Я этого не утверждала. Я сказала «наверное», а это не одно и то же.

– А где она сейчас?

– Два дня назад улетела в Хайфу.

Хайфа – какая неожиданность!

– По турпутевке, что ли? Отдыхать? – удивился Рыба.

Юдифь Исааковна посмотрела на него так, словно он сморозил невесть какую глупость. Рот ее приоткрылся, издав при этом едва слышный металлический лязг: как будто внут-

ри – в области гортани – пришли в движение небольшие, сложно устроенные механизмы.

– Почему же «по турпутевке»? У нас там родственники. Семья маминого брата, он очень хороший гинеколог. Когда у Рахили обнаружили кисту на правом яичнике – он лично ее удалял. А еще есть родственники в Америке и в Германии – тоже врачи. Американские работают в кардиологическом центре, все зовут нас обследоваться, особенно Рахиль. У нее ведь проблемы с левым предсердием, что-то не в порядке с верхней полой веной... А два дяди по отцу, из Аахена, это в Германии, – ортопеды. Те вообще едва ли не крупнейшие специалисты в Европе. В свое время они пользовали Рахиль...

– В каком смысле «пользовали»? – От изумления у Рыбы отвисла челюсть.

– В смысле «лечили». Ведь у Рахили одна нога короче другой, разве вы не замечали?

– Нет.

– Ну, естественно! Теперь-то у нее все в порядке. После того как нога была благополучно вытянута дядюшками из Аахена.

– Да... Интересно, чего еще я не знаю о своей бывшей жене?

– В детстве она переболела энцефалитом. В ранней юности – дифтерийным крупом с последующей трахеотомией. Это такая операция, когда рассекают трахею и вводят в ее

просвет специальную трубку для восстановления дыхания...

Рыба живо представил себе Альберта Эйнштейна с разрезом на шее и вставленной в него трубкой – почему-то в виде большого телескопа Бюраканской астрофизической обсерватории, фотография которого украшала отхожее место в квартире его приятеля Агапита.

Представил – и затрясся мелкой дрожью.

– Увольте меня от подробностей, Юдифь Исааковна.

– Пожалуйста, – согласилась Юдифь. – Но вы же сами просили. Не я начала этот разговор.

Шестеренки внутри гортани Юдифи Исааковны продолжают вращаться, цепляясь зубьями друг за друга: картинка еще более явственная, чем предыдущая, с гениальным физиком и телескопом. Ах, что это за шестеренки! Они сочинены великими механиками прошлого – теми, кто воплотил в чертежах первые, фантазмагорические модели летательных аппаратов; кто придумал астролябии, секстанты и музыкальные шкатулки. Шестеренки – одна причудливее другой, настоящее произведение искусства! Они сверкают и манят; единственное, чего хочется Рыбе в данный конкретный момент, – побыстрее добраться до чудесного механизма и половчее разобрать его, вплоть до последнего винтика. Желание такое же жгучее, как в детстве, когда в ход шли будильники, радиоточки, заводные зайцы с литаврами, куклы, которые изрекают не только «ма-ма», но и «я хочу пи-пи!».

Вот оно что!

Прелестница Юдифь – не суслик-суриката, существо, слепленное матерью-природой на тяп-ляп. Прелестница Юдифь – вещь рукотворная, сложносочиненная, состоящая из множества деталей. И если нашелся кто-то, кто создал ее, – всегда найдется другой, кто разберет до основания. И соберет заново, нимало не заботясь о первоначальном виде конструкции.

Чертежи-то не предусмотрены!..

– ...А сестра говорила, что вы глубоко порядочный человек! Как же она заблуждалась! Вы пошляк и хамелеон к тому же! Такую мимирию развести – уметь надо...

Что есть, то есть. Хамелеон. Во всяком случае, язык у Рыбы – точно хамелеоний, такой же немислимой длины. Еще секунду назад он, липкий и гнусный, шарил во рту у Юдифи Исааковны в поисках шестеренок, шарнирчиков и крохотных подшипников. Попутно руки Рыбы-Молота (такие же липкие и гнусные, как и язык) пытались расстегнуть блузку Юдифи Исааковны, а потом – если повезет – расстегнуть кожу Юдифи Исааковны. Чтобы добраться наконец до сердцевины механизма, разложить на составляющие секстант и астролябию, разломать к едрене фене чудную музыкальную шкатулку. Да так, чтобы пружины – вжик! вжик! вжик! – брызнули в разные стороны.

Осуществить задуманное не удалось. Чертова кукла Юдифь выскользнула из объятий Рыбы-Молота и, оставив на память вырванную с мясом пуговицу, быстренько исчезла

за дверь. Рыба, для проформы, побился головой о дверной косяк (что должно было означать крайнюю степень раскаяния) и принялся рассуждать о необычной природе Юдифи.

Юдифь – игрушка для взрослых мужчин. Тех самых, что не наигрались в детстве и теперь отираются в дорогуших магазинах радиоуправляемых моделей чего угодно. Тратят там время, а главное, деньги. Оно и понятно: начинка Юдифи куда занимательнее, к примеру, начинки ее болезненной сестры Рахили. А ведь она казалась Рыбе-Молоту здоровячкой – даже гриппом никогда не болела, даже насморк не подхватывала. Могла пробежать за маршруткой целый квартал и не запыхаться. Пульс Рахили Исааковны всегда держался в идеальном для взрослого человека коридоре от шестидесяти до восьмидесяти ударов в минуту. Температура не поднималась выше 36,6°. Интересно, какова температура у Юдифи? – вроде бы она была холодна, как лед...

Размышления Рыбы прервала эсэмэска от второй бывшей: после развода она значилась в контактах как «кисонька № 2». И шла сразу же за восстановленной в правах «кисонькой № 1» – Кошкиной. Причем (хотя обе жены не собирались звонить Рыбе в обозримом будущем) на Кошкиной стояла мелодия песни «Девочка в маленьком «Пежо», а на Рахили Исааковне – «Девушка-студентка». Обе эти песни исполняла ни разу не виденная Рыбой, но забавная певица по имени Ёлка. И они мало соответствовали действительности: Рахиль Исааковна закончила вуз еще в прошлом веке, а Кошкина

никогда не водила «Пежо» и вообще не сидела за рулем. Но «девушка-студентка» рифмовалась со «сладкой конфеткой», а к «девочке в маленьком «Пежо» по ходу пьесы выстраивалась очередь из желающих познакомиться – такой замечательной она была. И все это характеризовало не столько бывших жен, сколько самого Рыбу-Молота. Вернее, его отношение к ним. А отношение было превосходным, охватывавшим весь спектр: от почтительной влюбленности до такого же почтительного обожания. Каждый раз, когда его волокли под венец, Рыба расслаблялся, думая: *Ну, слава те господи, это уже навсегда! Будем жить в полном счастье до смертного часа, до гробовой доски!* И в том, что союз с обеими пронумерованными «кисоньками» не выдержал испытание временем, была вовсе не его вина.

...«НУ ТЫ И ПОЦ!!!» – высветилось на дисплее.

Неужели Юдифь наябедничала? Вот стерва!.. И когда только успела? Неужели телефонировала в Хайфу сразу после посещения Рыбы?

Второе сообщение было более развернутым и угрожающим:

«ГОРЕТЬ ТЕБЕ В АДУ, КОБЕЛИНА ПРОКЛЯТЫЙ!»

Рыба тотчас вспомнил, что Рахиль Исааковна не пропускала ни одной передачи об экстрасенсах, гадалках и белых колдунах. А где белые – там и черные! Там и вудуисты всех мастей: с петушиными гребнями, куриными лапами и тряпичными куклами, сплошь утыканными булавками. Рахиль

Исааковна проявляла к ним интерес даже больший, чем к гадалкам и экстрасенсам. Рыба-Молот не был человеком мнительным, но тут почувствовал себя неважно. Одновременно закололо в области грудины, в паху и в том месте, где у каждого человека находится аппендикс.

«ЭТО НЕ ТО, О ЧЕМ ТЫ ПОДУМАЛА, КИСОНЬКА! ЛЮБЛЮ ТОЛЬКО ТЕБЯ! СТРАДАЮ! ВОЗВРАЩАЙСЯ!» – в отчаянии написал Рыба.

Ответ пришел минут через десять, когда Рыбу скрутило окончательно и к трем первым очагам боли добавилась резь в глазах и в желудке:

«О, ТЫ ЕЩЕ НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАКОЕ СТРАДАНИЯ! НО СКОРО УЗНАЕШЬ – ОБЕЩАЮ!»

«ТЫ, НАВЕРНОЕ, ЗАПАМЯТОВАЛА, ЧТО ЭТО ТЫ МЕНЯ БРОСИЛА. А НЕ НАОБОРОТ», – гласил немедленный ответ Рыбы.

«ВОТ ИМЕННО! НИКОГДА ОБ ЭТОМ НЕ ЗАБЫВАЙ!»

«НИКОГДА! НИ ЗА ЧТО! ПРОСТИ МЕРЗАВЦА!!!»

Реакции на последний вопль Рыбы-Молота не последовало, аппендикс между тем выходил из себя. Перепуганный Рыба занес было руку над телефоном, чтобы вызвать «неотложку», но вовремя вспомнил, что аппендикс ему вырезали в шестилетнем возрасте, в районной больнице города Шахрисабз. Причем одним шрамом местные узбекские коновалы не ограничились, исполосовали тогда еще малютке Рыбе весь низ живота. Долгое время он страшно комплексо-

вал по этому поводу. Отказывался посещать бассейн – даже под страхом неминуемой двойки в четверти по физкультуре; редко появлялся на пляжах, а если уж и появлялся, то исключительно в натянутых под самую грудь спортивных трусах. И отдыхать Рыба-Молот предпочитал не летом и не у моря (как все нормальные люди), а зимой – в странах Скандинавии, поближе к северным оленям, коим совершенно наплевать на косметические недостатки чьей-либо фигуры. Первые минуты близости с женщинами тоже были отравлены мыслями о распороте и кое-как зашитом животе. Вдруг им активно не понравится его вид? Настолько активно, что они тут же сделают Рыбе ручкой?..

Кошкина оказалась первой, кто высмеял страхи Рыбы-Молота, назвав их «лилипутскими».

– Ты же не баба, – заметила Кошкина. – Это бабам все идет в минус.

– А мужикам?

– А мужикам все идет в плюс. Вот, к примеру, откуда у тебя этот шрам, *рыбец*?

– Я же говорил тебе, кисонька... Не слишком удачно проведенная операция по удалению аппендицита.

– Ну и дурак! Женщинам, в контексте твоего шрама, нужно втюхивать какую-нибудь героическую лабуду.

– Какую еще лабуду?

– Ну там... Шрам этот ты заработал при задержании особо опасного преступника. Или во время военных действий в со-

ставе ограниченного и хорошо законспирированного контингента в одной из третьих стран.

Кристалльно честный по своей сути Рыба-Молот (всю армию прозаически отслуживший при кухне) и представить себе не мог, что действительность извращается так легко и таким незамысловатым образом.

– И ты бы этому поверила, кисонька?

– Поверила бы, будучи влюбленной.

– А не будучи?

– Сделала бы вид, что поверила.

Когда Кошкина исчезла из его жизни и на смену ей явилась Рахиль Исааковна, Рыба-Молот вспомнил о наставлениях первой жены. И, когда дело дошло до интима и обнажения чресл, попытался втереть очки своей новой избраннице. Он больше не прикрывал безобразный шрам на животе, напротив, как мог выпячивал его. В конце концов Рахиль Исааковна отреагировала, но совсем не так, как ожидал Рыба.

– Не вздумай сказать, что вступил в схватку с бандитами и они тебя расписали, как матрешку!

– Я и не собирался...

– И про то, что служил в горячей точке, – тоже не парь!

– Да нет же! В армии я...

– И про армию не надо. Ненавижу, когда мужики толкают телеги про то, как они служили в армии. Запомни, только им одним это и интересно. После бани с водкой. А бабам, честно говоря, на их армию наплевать.

– Правда?

– Также им наплевать на ваших предыдущих жен и любовниц, на ваши профессиональные праздники, если они есть. И на вашу страсть к русскому шансону вообще и к группе «Лесоповал» в частности.

«Лесоповал» вовсе не был любимой группой Рыбы-Молота, до последнего времени ею числилась забойная команда техно-весельчаков «**Depeche Mode**». Вдаваться в детали Рыба не стал, вдруг Рахиль Исааковна относится к *dèpешам* еще хуже, чем к приснопамятному «Лесоповалу»? Но Рахиль и сама оставила скользкую музыкальную тему и переключилась на шрам.

– Полостная операция? – со знанием дела спросила она.

– Э-э...

– Погоди, соображу. Аппендицит, да? Резали из рук вон, наверняка в ауле каком-нибудь. Или в кишлаке. На станции Кукуевка.

– Почему же на станции?.. В Шахрисабзе. Это, между прочим, город, а не станция. И не кишлак.

– Ну, хрен редьки не слаще. Видела я твой Шахрисабз на картах Гугл, там даже улицы не просматриваются... Дыра дырой! И не спорь со мной, *пупочка!*

Рыба и не собирался спорить, хотя родной Шахрисабз сиял сквозь туман времен тысячью огнями сказочной восточной ночи; переливался шелком и атласом, оглашался павлиньим криком и нежными утренними воплями молочниц:

«Маа-лѐ-ко-оо! Маа-лѐ-ко-оо!» Но развивать эту тему означало бы подвергнуться очередному граду насмешек со стороны жены. В умении сбить пафос, удавить в зародыше любой романтический порыв и – в конечном итоге – вывернуть все наизнанку Рахиль Исааковна была точной копией Кошкиной.

Каким образом к причалу нежнейшего, не лишённого сентиментальности Рыбы-Молота швартовались одни лишь циничные дамочки, так и осталось загадкой. Противоположности притягиваются, не иначе.

...Стоило Рыбе вспомнить о том, что дурацкий отросток слепой кишки давным-давно покинул его тело, как боль и резь в животе сразу же прошли. Следом за ними исчезли неприятные ощущения в груди и в паху – он снова был здоров. И относительно бодр. Относительно – потому что пожелание Рахили Исааковны «гореть тебе в аду» оптимизма не прибавляло. Особенно в свете предстоящей поездки в Салехард. Вернее, полета...

Глава вторая

в которой Рыба-Молот стоически переносит тяготы полета на высоте 10 000 м, получает покровительство в лице сотового оператора PGN, встречает любовь всей своей жизни, а также духов нгылека, и – в очередной раз – сталкивается с трудностями первого этапа организации ресторанного бизнеса

Летать Рыба-Молот боялся всегда.

Боялся до тошноты, поэтому (подстраховки ради) всегда выпрашивал у бортпроводниц дополнительные бумажные пакеты. В разное время он летал с Библией, Кораном, Торой и Бхагавад-гитой; с водкой и коньяком; с кубиком Рубика и детским тетрисом; с бессменной дзэн-чайкой по имени Джонатан Ливингстон, главное преимущество которой состояло в наличии крыльев. В зависимости от времени полета Рыба впадал то в ступор, то в легкий анабиоз, то в тяжелый неадекват. Взять его тепленьким не составляло труда: дарственная на квартиру – пожалуйста! заявление о вступлении в ряды анархо-синдикалистов, а также КПРФ, РНБП и партии любителей пива – да ради бога! подпись под воззванием в защиту американских индейцев и пигмеев Руанды – базара нет! заключение контракта на передачу тела для медицинских исследований – говно вопрос, берите все органы, за исключением вырезанного аппендикса!.. Хорошо еще, что

соседями Рыбы оказывались сплошь приличные люди, а не какие-нибудь прощелыги, ловкачи и аферисты.

На приличных людей Рыба-Молот надеялся и в этот раз, но больше – на приличное техническое состояние самолета-ного парка. От него одного зависело, доберется ли Рыба до пункта назначения или...

гореть тебе в аду, кобелина!..

В «Пулково» его привез Агапит. Уже в районе метро «Фрунзенская» Рыба-Молот стал выказывать признаки беспокойства. Беспокойство усиливалось и на момент выезда из города приобрело характер полномасштабной паники.

– Вот, улетаю, – как заведенный ныл Рыба-Молот.

– Что ж, дело хорошее, – живо откликнулся Агапит. – И я бы улетел... Сам знаешь куда! Только не приглашает никто.

Под «сам знаешь куда» имелось в виду созвездие Кассиопеи, где до сих пор болтались славные отроки. Самолеты же волновали Агапита мало: последний раз он летал по маршруту Ленинград – Сочи еще ребенком, во времена СССР. И ничего, кроме карамельки «Взлетная», из того полета не запомнил.

– Может, и не свидимся больше, Агапитушка, – нагнетал обстановку Рыба.

– Да ну, с чего бы это?

– Ни с чего. Просто так.

– Да будет тебе известно, что в автокатастрофах людей

гибнет не в пример больше, чем в авиационных... Статистические данные говорят как раз в пользу авиации...

На Рыбу этот аргумент подействовал мало, и Агапит переключился на обсуждение событий в близлежащих и отдаленных галактиках: чего там убавилось, чего прибавилось, как ведут себя молодые наглые звезды высокой светимости, облака ионизированного водорода и холодный молекулярный газ. Были упомянуты IC2948 (туманность Бегущий Цыпленок), NGC6960 (туманность Ведьмина Метла), а также туманности Лисий Мех и Подбитый Глаз. В другое время Рыба слушал бы истории из жизни звезд, разинув варежку, но сейчас они не затронули ни одну из струн его души.

Перед регистрационной стойкой Агапит троекратно облобызал приятеля, четырежды перекрестил и всучил пакет с очередным экземпляром диалогии на DVD.

– Это чтобы ты не забывал истоки, – заявил он.

– И не терял связь с прекрасным, – продолжил Рыба.

– Именно!.. Я там тебе еще кое-что положил... Дернешь перед посадкой – и весь полет будешь спокоен, как удав.

Вместо ожидаемого мерзавчика с коньяком в пакете оказались «Новопассит» и настойка валерианы. Рыба выжрал их в туалетной кабинке, предварительно смешав оба успокоительных средства в пластиковом стаканчике, и стал ждать прихода. Но приход так и не наступил, вместо него всплыла очередная эсэмэска от Рахили Исааковны:

«ВЧЕРА ГАДАЛА НА ТЕБЯ, КОБЕЛИНУ! ПРОГНОЗ

НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЙ. ВОЗДЕРЖИСЬ ОТ ПОЕЗДОК КУДА БЫ ТО НИ БЫЛО, ВОЗМОЖЕН НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ ИСХОД».

Сообщение застало Рыбу-Молота в автобусе, мчащемся по летному полю. И без того находившийся на грани нервного срыва Рыба забился в падучей. И наверняка рухнул бы на пол, если бы его не поддержали сердобольные соседи.

– Неважно себя чувствуете, молодой человек? – поинтересовалась пожилая матрона с бакенбардами, густо разросшимися на щеках.

– Да уж, неважно... Мне бы вернуться... А можно остановить автобус?

– Это вряд ли, – меланхолично заметил мужик средних лет. – Багаж сдавал?

– Сдавал, – подтвердил Рыба.

– Ну так и рыпаться бесполезно. Никто тебя не выпустит.

– Я не полечу...

– Куда ж ты денешься? Раньше нужно было думать, – с каким-то даже сладострастием продолжил издеваться мужик. – Теперь-то что... Поздно пить «боржом», когда почки отвалились.

Лучшие бы почки отвалились, – подумал Рыба, – чем идти на воздушное заклятие вместе со стадом баранов и бараних с бакенбардами. И Рахиль тоже хороша, не могла прислать сообщение вчера, когда состоялся сеанс гадания. Или хотя бы час назад, до того как дорожный чемодан Рыбы уехал на

ленте транспортера. Тогда еще все можно было переиграть, а теперь... Теперь несчастный и еще довольно молодой А. Е. Бархатов обречен. Если, конечно, не случится чудо.

Чудес с Рыбой-Молотом не случалось никогда, а ведь известно, что они случаются со всеми, хоть раз в жизни. Пусть этот «раз» наступит сейчас, сию минуту! В ущерб возможному выигрышу ста миллионов долларов в лотерею в близком будущем; в ущерб возможному созданию мирового кулинарного бестселлера «Из жизни карамели» в чуть более отдаленном будущем; в ущерб возможной канонизации Рыбы как святого и покровителя всех шеф-поваров, кондитеров и корабельных коков – в глобальной перспективе. Пусть, пусть!..

Рыба бросил все свои умственные усилия и энергетические послы на приманивание чуда. Оно могло предстать в нескольких вариантах:

- небо над Салехардом внезапно закрылось, оно будет закрыто еще месяц как минимум – и всех возвращают в аэропорт;

- поставщики авиакеросина внезапно не сошлись с перевозчиком в цене, рейс отменяется, – и всех возвращают в аэропорт;

- командир экипажа внезапно почувствовал себя плохо (инфаркт, инсульт, почечная колика), заменить его нечем – и всех возвращают в аэропорт;

- всех возвращают в аэропорт просто так, потому что слу-

чилось чудо.

Но проклятый автобус и не думал сворачивать к зданию аэропорта, и тогда Рыба стал мечтать о компромиссном чуде поменьше:

- он полетит в Салехард на самолете президента РФ, с *таким* самолетом ничего дурного не может произойти по определению;

- на самолете губернатора СПб;

- на самолете олигарха рангом не ниже Абрамовича;

- на сверхзвуковом «Конкорде» с высочайшей степенью надежности;

- на новехоньком «Эйрбасе» с очень высокой степенью надежности;

- на «Боинге» с высокой степенью надежности;

- на...

Автобус между тем остановился рядом с банальным отечественным «Ту-154». Выглядела «тушка» довольно обшарпанно, и Рыбу затрясло с новой силой. Пропустив всех, кого можно было пропустить, он вскарабкался по трапу и оказался рядом с бортпроводницей.

- Я бы хотел отказаться от полета, – прошелестел Рыба.

- Чё? – Бортпроводница даже подалась вперед, чтобы лучше расслышать сказанное.

- Я бы хотел отказаться от полета... Неважно... вот именно – неважно... себя чувствую.

- И чё?

– Не могу лететь сейчас. Физически...

– Вот только дурака валять не надо, гражданин. Проходите в салон. Вы всех задерживаете.

Раз уж никакого чуда не произошло, придется брать свою собственную судьбу в свои же собственные руки, до сих пор не отличавшиеся особой крепостью. Бежать – и немедленно!.. Но, пока Рыба раздумывал, как бы половчее соскользнуть с трапа, бортпроводница втянула его внутрь. И подтолкнула к салону, прошипев напоследок:

– Слышь ты, чудила! Иди на свое место, и без фокусов. А будешь выдрючиваться и вносить нервозность в обстановку, сдам тебя соответствующим органам как террориста. Понял меня?

Рыба кивнул и обреченно поплелся к указанному в посадочном талоне креслу 8В.

Во всем виновата его простодушная, граничащая с идиотской внешность. Обладая он другими внешними данными, никому бы и в голову не пришло обращаться с ним подобным образом. И еще это слово – «выдрючивайся»! Его нередко употребляла Кошкина, но змея-бортпроводница вообще не была похожа на Кошкину.

Она была похожа на гестаповку.

Начальницу зондеркоманды. Главу секретного отдела, проводившего опыты над живыми людьми. Любительницу папок и кабинетных ламп, обтянутых человеческой кожей.

Рыба так и видел черную пилотку у нее на голове, стек

в руках, кожаную портупею на торсе и Железный крест на груди. И не простой (какой вручают рядовому составу), а рыцарский – с алмазами, мечами и дубовыми листьями. «За особую жестокость» было выгравировано на внутренней стороне креста.

«Ничего, гестаповская морда, недолго тебе радоваться! Наши все равно победят и водрузят красное знамя над рейхстагом», – попытался успокоить себя Рыба-Молот, но успокоение не приходило.

Перед глазами (вперемешку с ключьями какого-то розового тумана) проплывали обрывки жизни – несправедливо короткой, по мнению Рыбы. Шахрисабз, Ташкент, метеостанция Ую, на которой он кашеварил ровно полтора месяца; декольте Кошкиной, аппетитный зад Рахили Исааковны; Палкина и Чумаченко, жрущие водку; драка на дискотеке, где Колян Косачёву выбили клык, а Рыбе сломали два ребра; другая драка на другой дискотеке, обошедшаяся без последствий; звездный потолок в квартире Агапита; снова декольте Кошкиной и зад Рахили Исааковны; травля тараканов в столовке райцентра Кяхта; открыточные виды города Трубчевск, а также городов Париж и Сантьяго, где Рыба отродясь не бывал; снова – зад и снова – декольте; рецепт утки по-пекински, парящий в виде гигантского плаката над Стрелкой Васильевского острова... Затем в ход пошли события, напрямую к Рыбе не относящиеся: покорение Северного полюса норвежским исследователем Руалем Амундсеном, бом-

бардировка Хиросимы, взятие Зимнего революционной матросней, переход Суворова через Альпы, прибытие Великого Посольства в Амстердам... Венчал слайд-шоу хрестоматийный кадр: Мэрилин Монро на вентиляционной решетке – но не полностью Мэрилин, а с инородными вкраплениями в виде декольте Кошкиной и зада Рахили Исааковны.

На *Мэрилин-Кошкиной-Рахили Исааковне* Рыба потерял сознание.

Будь его, Рыбы-Молота, воля – он пришел бы в себя только после того, как шасси хлипкой воздушной этажерки коснулись взлетно-посадочной полосы аэропорта города Салехард. Но мнением Рыбы ни высшие, ни низшие силы никогда не интересовались. И потому очнулся он в тот самый момент, когда стало угодно судьбе, року, провидению. А именно – на высоте десяти тысяч метров над землей, пристегнутым к креслу 8В, выходящему в проход.

Рыба хорошо помнил, что не успел пристегнуться до того, как впал в небытие. Следовательно, кто-то его пристегнул; скорее всего – гестаповка-бортпроводница, которой по должности положено следить, чтобы с пассажирами все было в порядке.

Точно, она.

Это ее шипящий, змеиный голос он слышит сейчас. Исполненный такого презрения и ядовитого сарказма, что подавать признаки жизни и открывать глаза не стоит. Лучше вообще прикинуться мертвым, дать ей возможность выплес-

нуть порцию яда и спокойно уползти, скрипя портупеей. И только потом...

Потом...

– Вот ненавижу таких мужиков, – продолжила спич гестаповка. – Убивала бы на месте. Душила в колыбели. Хуже баб, чесс-слово!.. Тряпки, трусы, ничтожества... От таких всего можно ожидать.

– А уж как я ненавижу...

Невидимая собеседница гестаповки находилась справа от Рыбы-Молота, очевидно, она занимала кресло по соседству – то ли 8А, то ли 8Б.

– Он там не помер, случайно? – Змея неожиданно выдавила из себя каплю сострадания.

– Жив...

Второй голос был гораздо занятнее голоса стюардессы. Нет, не занятнее – интереснее... Нет – не интереснее... Значительнее. Нет – не значительнее... Богаче? Вот-вот, он был богатым, этот голос. Супербогатым. Сверхобеспеченным, ворочающим миллионами Уолл-Стрит. Занимающим верхние строчки в рейтинге миллиардеров журнала «Форбс» – по соседству с Биллом Гейтсом и султаном Брунея. Живьем таких голосов Рыбе-Молоту слышать еще не приходилось. Разве что по телевизору, по каналу «Культура», когда шли старые мхатовские постановки со мхатовскими же корифеями в главных ролях. Глыбами-стариками и мощными старухами, имен которых Рыба не знал. Не успевал посмотреть

в титрах, поскольку королева пульта Рахиль Исааковна с возгласом «Опять нафталин гонят!» тотчас переключала канал на что-нибудь более гламурное.

Те старики чрезвычайно нравились Рыбе-Молоту. *Те старики* «служили в театре», а не работали в нем; с непередаваемым шиком произносили «в четверррыг и больше никогда», и в друзьях у них ходили не мелкотравчатые Палкина с Чумаченкой, а... А птицы высокого полета – военачальники, академики, политические деятели международного масштаба и, возможно, даже Иосип Броз Тито. Присутствие в этом пафосном списке югославского маршала объяснялось просто: Рыба-Молот втайне мечтал стать личным поваром какой-нибудь выдающейся особы, чтобы следом за ней, прикрываясь супницами и соусниками, пролезть во всемирную историю и остаться там навсегда.

Мысли о мощной мхатовской старухе, сидящей по соседству, не давали Рыбе покоя. Особенно когда она положила пальцы ему на шею – чтобы прощупать пульс, не иначе. Пальцы у старухи оказались такими же властными, как и голос. И – опасными, что ли? Вот-вот, они были опасными, эти пальцы. Как бандюхай-романтики Буч Кэссиди и Санденс Кид, вместе взятые. Как гангстер Аль Капоне. Как все остальные гангстеры, наемные убийцы и партизаны сельвы. Как медведь-шатун, задравший повара с метеостанции Ую, на место которого и прибыл в свое время Рыба-Молот. Сам Рыба застал медведя только в виде шкуры, но говорили, что

это был страшный зверь. Страш-шный!.. Да здесь и говорить особенно не пришлось, хватило беглого взгляда на огромную медвежью башку и чудовищные клыки. Конечно, если выбирать между медведем, сидящим в кресле, и мхатовской старухой гангстершей, сидящей в кресле, – предпочтение отдается старухе. Пусть даже и вооруженной пистолетом, мини-гарпуном и мачете, величиной с весло.

Рыба-Молот дернул кадыком и приоткрыл ближний к старухе глаз.

Старухе, как же!..

Это была совсем не старуха. И уж тем более не медведь-шатун. Это была девушка. Вроде бы – совершенно обычная, если не брать в расчет некоторую смуглость кожи и цвет волос, подпадающий под расхожее определение «вороново крыло». Все это указывало на восточные корни незнакомки, возможно, даже пошедшие в рост где-то поблизости от исторической родины Рыбы-Молота. «Поблизости» означало не конкретное географическое место типа Шахрисабза или Ташкента, скорее – нечто эфемерное. Существующее в виде старинного рукописного текста. В виде средневековой миниатюры. В виде предания, легенды, передающейся из уст в уста; обычно такие легенды сопровождаются нежными звуками дутара и зурны и начинаются словами: «Ни на небе, ни на земле, а где – нам неведомо, жила-была прекраснейшая пери...»

– Полегчало? – спросила пери своим богатым (на милли-

ард долларов) голосом.

Вместо ответа Рыба-Молот неожиданно икнул.

– Господи! Бывают же... – продолжать она не стала, но посыл был ясен и без того: *«Бывают же такие мудаки, которые одним своим присутствием способны испортить любой пейзаж, исказить до неприличия светлую картину мира»*. Рыба-Молот набрал в легкие побольше воздуха, чтобы опровергнуть дискредитирующий его посыл, но вместо этого снова икнул. А потом – еще и еще. Лавина икоты накрыла его с головой – и спасателей или хотя бы сенбернара с флягой согревающей жидкости ждать не приходилось. Так он и погибнет, несчастный Саша Бархатов, и это будет вторая по бесславности гибель (первая принадлежала мл. сержанту Чудинову из армейской юности Рыбы – тот по пьяни утонул в выгребной яме).

Пери, видимо, решила взять на себя функции душики-сенбернара и нажала кнопку вызова стюардессы. Змея-гестаповка появилась секунд через пятнадцать – она и не отползала далеко, и никому ее помощь особо не требовалась.

– Очухался? – спросила змея у пери, а вовсе не у Рыбы-Молота.

– Вроде того...

– Мне бы водички, – выдавил из себя Рыба.

«Смолы тебе горячеей, а не водички», – читалось в немигающих глазах змеи. Но она сдержалась и спросила только:

– С газом или без?

– Если можно – без газа... – У Рыбы мелькнула мысль попросить бумажный пакет для непредвиденных реакций организма, но он воздержался от просьбы.

Принесенная змеей вода лишь ненадолго облегчила страдания Рыбы-Молота – спустя пару минут он снова начал икать.

– Поездом нужно ездить. Или вообще дома сидеть... А не гадить другим людям полет, – подвела черту пери и уткнулась в журнал.

Пока Рыба соображал, как бы подстойнее ответить на замечание, в недрах его куртки зазвонил мобильник.

Удивительным и совершенно невероятным было не то, что он сработал на высоте десяти тысяч метров над землей, куда, как известно, вход сотовым операторам заказан. Удивительным и совершенно невероятным был сам рингтон.

Тут следует отступить от повествования и рассказать об этом самом рингтоне и о том, какую роль он сыграл в судьбе Рыбы-Молота. Или (сложись жизненные обстоятельства по-другому) мог бы сыграть. Сразу оговоримся – ничего сверхвыдающегося в этой музыкальной заставке не было. Так, припев попсовой песенки, скачанный в свое время Рыбой на одном из бесплатных МРЗ-порталов. Песенку исполняла певица по фамилии Милович, гораздо менее раскрученная, чем даже певица Ёлка. По ящику Милович крутили не часто, а если крутили – то глубокой ночью, когда Рыба, как и подавляющее большинство населения, спал сном правед-

ника. Но однажды, незадолго до мартовского равноденствия, ему вдруг выдалась бессонная ночь. Бессонницей Рыба не страдал никогда – и потому взволновался: должны же быть какие-то к ней предпосылки и объективные/субъективные причины! Между тем причин и предпосылок не было. Уже потом Агапит объяснил ему, что именно на эту ночь пришелся так называемый *марафон Мессье*, в течение которого астрономы-любители всего Северного полушария занимались наблюдением ста десяти небесных объектов из знаменитого каталога французского астронома XVIII века Шарля Мессье, переходя от одного к другому. Марафон длился строго определенное время – от заката до рассвета. И то, что Рыба-Молот бодрствовал в эти часы, характеризует его как латентного астронома-любителя и вообще – человека неприземленного и не чуждого звездной стихии.

Рыба принял версию Агапита как одну из возможных. Была и вторая – певица Милович со своим клипом, показанным около трех ночи, в самый разгар Молотовской бессонницы. Клип выглядел миленько, но малобюджетно; сама же Милович, напротив, произвела впечатление женщины высокобюджетной – из тех, что ездят делать педикюр в Лондон, а шоколадное обертывание – в Ниццу и Сен-Тропе. Про *таких дамочек* волонтеристка Кошкина, всегда следовавшая в фарватере якобинок Палкиной и Чумаченки, говорила: «Ну вот, насосала себе на карьеру (машину, квартиру, педикюр в Лондоне)». Как ни прискорбно, но в большинстве случаев Кош-

кина вместе с якобинками оказывались правы.

Но не в этом.

Слишком умное и дерзкое лицо было у Милович: *такая дамочка* сама кого угодно заставит сосать. В предбаннике лондонского салона, где делают педикюр. И во всех остальных предбанниках, прихожих, гостиных, вестибюлях и кабинах лифта. Определенно, Милович была не просто высокобюджетной женщиной, а высокобюджетной женщиной с «перчинкой». Констатировав это, Рыба-Молот сосредоточился на песне, которую она исполняла. Запев был так себе, но припев оказался неожиданно волнующим.

«Прекрасна, ранима, опасна, ревнива, изящная птица, коварная львица» —

пела Милович, очевидно — про себя.

Тут она, конечно, преувеличивала. При всей холерности и энном количестве кайенского перца в организме (плюс душистый, плюс белый, плюс черный горошком) назвать Милович «прекрасной» можно было с большой натяжкой. Зато Рыба-Молот неожиданно получил точные характеристики существа, которое мог бы страстно и самоотверженно, до дрожи в чреслах, полюбить на всю оставшуюся жизнь. Таким оно (вернее — она) и закрепилось в воображении:

ПРЕКРАСНА,

РАНИМА,

ОПАСНА,

РЕВНИВА,

ИЗЯЩНАЯ ПТИЦА, КОВАРНАЯ ЛЬВИЦА.

Из шести основных параметров по меньшей мере три внушали некоторую тревогу (*насколько опасным может быть существо? Насколько ревнивым и коварным?*). Но Рыба-Молот с готовностью смирился с издержками – ведь из песни, как известно, слов не выкинешь. Хочешь прекрасную, изящную и ранимую – получай к ней прицеп с ревностью и коварством.

После двухчасового бдения в Интернете Рыба нарыл-таки психоделический зонг про птицу-львицу, ужатый до размеров рингтона. И закачал рингтон в свой мобильник – в надежде, что столь желанное существо рано или поздно появится. И каждый его звонок будет напоминать Рыбе-Молоту, что птица с львицей находятся в зоне доступа.

Но вместо существа появилась Кошкина. А после Кошкиной – Рахиль Исааковна. И хотя Рыба любил их и был готов любить всю жизнь, но дрожи в чреслах почему-то не чувствовал. К тому же любопытная Рахиль Исааковна влезла в его мобильник, где пылился так и не востребованный музыкальный файл, прослушала его и устроила скандал: какую это, на хрен, львицу имел в виду ее дражайший муженек? Уж не первую ли свою жену Кошкину?

– Почему же Кошкину? – удивился Рыба.

– Потому что львы принадлежат семейству кошачьих, и ты, кобелина, таким завуалированным образом намекаешь

именно на нее! – Рахиль Исааковна была мастером выстраивания иррациональных логических цепочек.

– Помилосердствуй, кисонька! При чем здесь моя первая жена?

– При том! Только тут ты выдаешь желаемое за действительное! Видела я ее фото на сайте «одноклассники.ру»! Пугало она огородное! Братская чувырла!

Рыба-Молот – из чувства справедливости – хотел вступить за Кошкину, которая вовсе не была чувырлой, а была симпатичной молодой женщиной с умопомрачительной грудью. Хотел – но промолчал. Кошкина, в конце концов, пройденный этап, а с Рахилью Исааковной ему жить до гробовой доски, если на то будет воля Божья.

– Вообще-то, я имел в виду тебя, кисонька...

– Не надо лгать! – тотчас взвилась Рахиль Исааковна.

– Почему же сразу «лгать»?

– А вот давай я тебя наберу, и мы вместе послушаем, что за мелодию сыграет твоя мобила!..

– Да ну... Не стоит... – струхнул Рыба. – Я просто еще не успел поставить... Вот как раз сегодня собирался...

– Не вздумай! И вообще – удали эту дурацкую попсытину из телефона. Мне она не нравится.

Под давлением Рахили Рыба стер «прекрасную и ранимую», а потом, уже после ее ухода, и вовсе поменял телефон. И вот теперь, на высоте десяти тысяч метров, в его кармане раздалось:

«Прекрасна, ранима, опасна, ревнива, изящная птица, коварная львица».

Поскольку состояние Рыбы было далеким от нормального, он поначалу никак не отреагировал на звонок. И лишь спустя некоторое время, когда львица с птицей стали намастывать второй круг, очнулся и опустил руку в карман куртки.

– Телефоны в полете надо отключать! – недовольным голосом заметила пери, не отрывая глаз от журнала.

– Да-да, конечно, – пробормотал Рыба.

– Не хватало еще, чтобы из-за вашей дурацкой мобилы вышла из строя электроника!

Но сейчас Рыбу несколько не волновала электроника. И то, что он находится в самолете, летящем (по эсэм-эс-утверждению Рахили Исааковны) прямо в тартарары. К черту в зубы. К волку в пасть. К худощавой даме в капюшоне и с косой. Его волновал только звонок и восемь заученных когда-то наизусть слов. Теперь эти слова в строгом армейском порядке, одно за другим, карабкались по пальцам Рыбы, вбивали крюки в запястья и предплечья и поднимались все выше и выше. Овладев наконец высотой, обозначенной на картах как «Сердце Рыбы-Молота», они телеграфировали в штаб, что задача выполнена. И сели перекурить.

– Ответьте уже, – посоветовала из-за журнальных страниц пери.

– Да-да, конечно...

Вместо номера абонента на дисплее высветилось сообще-

ние от некоей, неведомой Рыбе-Молоту сети PGN. Открыв его, Рыба прочел:

«ЭТО ОНА. БУДЕШЬ ИДИОТОМ, ЕСЛИ УПУСТИШЬ!»

Сразу после того как смысл послания дошел до Рыбы, телефонный дисплей погас. Трясущимися руками Рыба снова привел телефон в чувство, но сообщение исчезло, как будто его никогда и не было. Последними во «Входящих» числились апокалиптические эсэмэсы Рахили Исааковны. В музыкальных файлах следов львицы тоже не обнаружилось, а все существующие на территории РФ сотовые операторы впали в летаргию и обещали активироваться только на земле. Если, конечно, ничего экстраординарного, нашептанного Рахилью не произойдет.

Привидится же такое, – мрачно подумала вменяемая ипостась Рыбы-Молота.

Да нет, привидеться такое не могло! Все так и есть! Вот и пери... Она тоже слышала звонок! – парировала невменяемая его ипостась.

Еще какое-то время две ипостаси Рыбы мутузили друг друга, как боксеры на ринге. Победа по очкам была присуждена невменяемой ипостаси (гипюровая майка и трусы в цветочек). А вменяемая ипостась (красная майка, красные трусы с белым кантом, эмблема общества «Спартак» на груди) осталась не у дел. С удовлетворением восприняв результаты боя, Рыба-Молот сосредоточился на мыслях о PGN-посла-

нии:

Неужели случилось чудо, пусть и не то, о котором он просил?

Неужели существо (женщина) его жизни находится где-то неподалеку?

Если это так, то нужно вычислить его (ее) методом исключения.

Старуху с бакенбардами, сидящую в соседнем ряду, он отмел сразу. Равно как и трех других нимф, вышедших из детородного возраста. Затем из списка претенденток на звание «женщины жизни» были последовательно вычеркнуты:

две телки с двумя примачованными спутниками,
женщина с ребенком лет пяти,
женщина с ребенком лет одиннадцати,
женщина с не поддающимся подсчету количеством детей,
семипудовая корова, вывалившая ляжку в проход,
азиатка в очках с диоптриями,
пятнадцатилетняя соплячка с PSP в руках,
нечто откровенно гомосексуальное, а может, даже транс-сексуальное – в кудряшках и с татуированными веками.

Остальные претендентки терялись в хвостовой части лайнера, а также скрывались в бизнес-классе, отделенном от основного салона выдавшей виды шторой песочного цвета. А гестаповку-бортпроводницу Рыба отмел в первую голову, поскольку никогда не был поклонником фильма «Ночной портье», где во всех подробностях живописалась противо-

естественная связь между учителем и жертвой.

Следовательно, речь в послании шла о пери. И ни о ком другом.

Открытие потрясло Рыбу до самых потрохов: ну естественно, по воле провидения они не могли не встретиться. Вот и встретились! И где – в самой романтической обстановке из всех возможных обстановок, почти что на небесах!

Это ли не перст судьбы?

И ее восточные, утонченные черты лица – тоже перст судьбы! В шахрисабзской школе, где в свое время учился Рыба-Молот, была пара девочек подобного калибра.

Они никогда не ездили с классом на уборку хлопка, никогда не выращивали тутовых червей и имели законное освобождение от уроков физкультуры.

А в будущем их ожидали завидные женихи рангом не ниже министра сельского хозяйства, народного поэта Узбекистана и культурного атташе посольства в Исламабаде.

О таких девочках даже мечтать приходилось с осторожностью: того и гляди, в мечты проникнут их многочисленные братья, дядья, зятья с финками и деверья с кастетами. И разделают ничтожного, покусившегося на святое харыпа под орех. А юный Рыба (как, впрочем, и зрелый Рыба) не очень-то любил разборки, предпочитая договариваться еще до того, как затрешат ребра, – оттого и запретил себе грезить о чудо-девочках вообще. И вопрос о первой любви всегда заставлял его врасплох – по той причине, что любви этой так

и не случилось.

Связи были – это да. Но не любовь в ее первозданном смысле.

И вот теперь все может измениться! Окрыленный этой неожиданно открывшейся истиной, Рыба-Молот повернулся к незнакомке и вперился в нее глазами. И чем больше он смотрел на нее, тем очевиднее становился вердикт сети PGN: *это она!*

«Это она» всплывало на всех развешанных и растыканных по самолету табличках и инструкциях. В какой-то момент даже загорелось табло, где вместо привычных «**НЕ КУРИТЬ! ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ!**» возникло сакраментальное:

«НЕ БУДЬ ИДИОТОМ!»

Но и без понукающей надписи все было ясно: в каждом органе Рыбы-Молота (включая вырезанный во времена оны аппендикс) бушевали фейерверки и взрывались пестарды; вдоль арыков, наполненных венозной и артериальной кровью, шли духовые оркестры, оркестры народных инструментов и – специально выписанный из Шотландии сводный оркестр волынщиков; их сопровождали ликующие толпы с транспарантом «**ХУШ КЕЛИБСИЗ!**»². В легких Рыбы парили воздушные змеи, в животе кувыркались бипланы, истребители последнего поколения и самолеты-перехватчики, а в голове...

² Добро пожаловать! (узб.)

Впрочем, в голове-то как раз ничего особенного не происходило. Там царила абсолютная пустота. Зато обнаглевшее воображение Рыбы-Молота рисовало картинки одна соблазнительнее другой: вот он хлопочет на кухне, смешивая разные сорта шоколада для будущих конфет. Вот он украшает торт засахаренными фруктами и марципанами. Вот он снимает пробу с только что придуманного соуса, а предмет его обожания...

– Прекратите трястись! – сказал предмет обожания, глядя на Рыбу с откровенной злостью.

Только тут Рыба заметил, что не просто трясется сам по себе, а заставляет ходить ходуном весь ряд. И кто после этого скажет, что это – не дрожь в чреслах, о которой он так мечтал?

– Простите, ради бога, – пролепетал Рыба, сведя колени и вцепившись в подлокотники так, что побелели костяшки пальцев. – Вы... тоже летите в Салехард?

– Нет. В Гонолулу!..

Ответ был исчерпывающим, и Рыба-Молот надолго замолчал: очевидно, знакомство надо начинать совершенно по-другому. Но как именно?.. Бегло промотав отношения с другими женщинами, в том числе с бывшими женами, Рыба пришел к неутешительному выводу: инициатива во всех случаях исходила вовсе не от него. Он лично никого не интересовывал в себе, не увлекал интеллектуальным разговором, удачной шуткой, широким жестом и неординарным по-

ступком. За него все делали (или не делали) другие. С Кошкиной он познакомился в небольшом ресторанчике грузинской кухни, где работал поваром. Засадавшая с компанией Кошкина изрядно приняла на грудь и, находясь в самом веселом расположении духа, потребовала вызвать «шефа, так чудесно сварганившего чахохбили, а уж она-то знает толк в чахохбили, сациви и жареном сулугуни, ее принимал у себя дома известный певец Зураб Соткилава, и вообще у нее в роду были грузинские князья».

Вышедшему в зал Рыбе пьяная Кошкина влепила поцелуй и пообещала широко разрекламировать его заведение. Это оказалось таким же трепом, как и история о грузинских князьях и Зурабе Соткилаве, но через неделю Рыба-Молот обнаружил себя на свидании, а еще через две – в постели, с последующей регистрацией брака в районном загсе.

Знакомство с Рахилью Исааковной прошло по схожей схеме, с той лишь разницей, что работал Рыба уже в ресторанчике еврейской, а не грузинской кухни. И Рахиль Исааковна появилась там не случайно, а с подачи Бориса Пельца, шапочного знакомого Рыбы и Кошкиной. Борис Пельц шепнул Рыбе-Молоту, что сочувствует семейной драмм-ме, его постигшей, но... жизнь не стоит на месте. И всегда готова предложить новый вариант в лице роскошной, совершенно свободной и лишенной предрассудков женщины.

– А это ничего, что я не еврей? – простодушно спросил Рыба.

– Я же сказал, она лишена предрассудков...

Рахиль Исааковна, следуя траекторией упорхнувшей в Москву и совершенно неизвестной ей Кошкиной, затащи-
ла Рыбу сначала в постель, а затем в загс. И никаких сверх-
человеческих усилий от него не потребовалось.

Теперь – все совсем не так. И ему предстоит напрячь-
ся, если уж он решил завладеть вниманием прекраснейшей
из всех женщин, смуглолицей пери. Проинспектировав ин-
теллектуальный багаж, Рыба-Молот обнаружил в нем «Ля
бисиклетте» Ива Монтана; все, когда-либо выходившие на
DVD, части фильмов «Пила» и «Восставшие из ада», Сют-
кина с Меладзе, Петросяна с Малаховым; дзэн-чайку Джо-
натан Ливингстон, парящую над революционно-короткомет-
ражным кинематографом Тринидада и Тобаго; рекламу пам-
персов, прокладок и дезодорантов экономкласса; немецкое
атлетическое порно, кассеты с которым он прятал на антре-
солях и от Кошкиной, и от Рахили Исааковны. А также от-
рывок из кулинарной книги Е. Молоховец, начинавшийся
словами: **«Если пришли гости, а в доме нечего есть, по-
шлите горничную в погреб за бараньей ногой...»**

Не густо.

Но дело ведь не в количестве информации, а в уме-
нии правильно ею воспользоваться. Почему бы не предста-
вить, что он, Рыба-Молот, и объект его внезапно вспыхнув-
шей страсти находятся на светской вечеринке? В качестве
приглашенных vip-гостей, а не кого-нибудь еще (последнее

замечание относилось исключительно к Рыбе, принадлежность же к vip-ам прелестной незнакомки и вовсе никем не может быть оспорена). Смокинг, туфли из крокодиловой кожи, бокал martinis в руках... Под martinis любая тема прокатывается!..

– Вы любите кино? – спросил Рыба-Молот у пери.

Сейчас она скажет «да», потому что кино любят все. И может быть, подумает: а почему этот парень спросил про кино? – наверняка не просто так. Наверняка он имеет отношение к кино. Он режиссер. Или продюсер, что по нынешним временам даже круче... или нет... он – представитель отборочной комиссии ведущих европейских фестивалей, следовательно, человек влиятельный, почти что всемогущий. И надо бы внимательнее к нему присмотреться...

– А вам какое дело? – не очень дружелюбно ответила пери после продолжительной паузы. За время которой Рыба-Молот успел побывать режиссером, продюсером и всемогущим членом отборочной комиссии. А также – выпить два бокала воображаемого martinis, сопеть в воображаемом смокинге и натереть пятки воображаемыми туфлями из крокодиловой кожи.

– Просто интересно... Например, я... не пропускаю ни одной арт-хаусной премьеры... Вот!.. Арт-хаус – это такое направление...

– Знаю. Направление назло Голливуду. Я его ненавижу. Голливуд я тоже не люблю. И Болливуд не жалую.

– А...

– Азиатское кино ничуть не лучше всего перечисленного.

Еще вопросы будут?

– Литература! – осенило Рыбу-Молота.

Сейчас она скажет «да», потому что книжки любят все. Или делают вид, что любят. И не какое-то там бульварное чтиво (кто в здравом уме и трезвой памяти признается, что пользуется бульварицину?). Речь идет о высоком. Издающемся тиражом не более 5 тыс. экземпляров, на хорошей бумаге и в хорошем переплете. С восторженными отзывами на последней странице обложки – от «Таймс», «Ридерз дайджест», «Обсервер» и «Эсквайр»; от высоколобых мужских журналов и низкожопых женских; от экуменических организаций, правозащитных объединений, ассоциации стрелков, ассоциации производителей молока и от сообщества юзеров портала «Всем сосать!». Сейчас она скажет «да»! И может быть, подумает: а почему этот парень спросил про литературу? – наверняка не просто так. Наверняка он имеет отношение к литературе. Он... он... Конечно, на писателя Рыба-Молот не тянет, на издателя – тем более, но можно представиться... гм... Можно представиться переводчиком! Да-да, это отличная идея! Он – переводчик, и в его активе – перевод книжки Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Перевод сделан совсем недавно, но уже успел стать культовым, – что признал и сам автор книжки. В этом переводе дзэн-чайка летает выше, чем во всех других пере-

водах; меньше гадит, глубже копает, складнее звонит, ядренее философствует и смелее обобщает. А еще она...

– Ненавижу, – с чувством произнесла пери.

– Что?

– Литературу.

Вот как! Это даже интересно.

– А музыку любите?

– Терпеть не могу.

– Путешествия?

– Презираю.

– Звездное небо? – В Рыбу как будто бес вселился.

– Не выношу.

– Животных?

– Кому они нужны?

– Растения?

– Кому они нужны, часть вторая.

– Открытки с экзотическими видами?

– Рву, не рассматривая. – Очевидно, в случайную попутчицу Молота вселился тот же бес.

– Изделия из драгметалла?

– Сразу отдаю на переплавку

– Бриллианты?

– Игнорирую их существование.

– Вкусно поесть? – выложил свой основной козырь Рыба.

– Вкусно поесть без последствий не получается. Так что – в отстой.

– Мужчины?

– Плюю на них с высоты десятого этажа.

– Женщины?

– Плюю с высоты Эйфелевой башни. А еще я ненавижу, когда типы, подобные вам, пытаются завязать разговор.

– Я вас понимаю... Все это время я выглядел неприглядно...

– Почему «выглядел»? Вы и сейчас выглядите так же.

– Да? – искренне расстроился Рыба.

– Честно говоря, вы вообще похожи на идиота.

– Вот прямо на идиота?

– Ну и еще на дауна.

– А это – неравнозначные вещи? – спросил Рыба только для того, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

– Даже не знаю, что хуже.

– Для кого?

– Для вас, разумеется.

После этого замечания разговор скукожился и сошел на нет. И возобновился лишь тогда, когда принесли ужин.

– Я бы не рекомендовал, – шепнул Рыба очаровательной соседке, наблюдая, как змея-бортпроводница вместе с парнишкой-стюардом распихивают по рядам пластиковые контейнеры. – Горячее здесь весьма сомнительного качества и может плохо повлиять на работу желудка... Все остальные продукты, включая всякие там пирожные и кексы, вполне вероятно – просрочены... Поверьте, я знаю, о чем говорю...

Все то, что готовится поточным методом, без вкладывания души, идет во вред организму...

– Ясно, – коротко ответила пери.

И, дождавшись, когда гестаповка с подручным приблизятся, сообщила им:

– Вот тут мужчина утверждает, что ваши продукты просрочены. И вредны для здоровья.

– Какой мужчина? – для порядка уточнила бортпроводница.

– Вот этот. – Пери кивнула в сторону Рыбы-Молота.

– Это не мужчина. Это негодяй и клеветник. – Взгляд змеи сфокусировался на Рыбе, не предвещаая ничего хорошего, а предвещаая судебные иски авиакомпании-перевозчика к гражданину Бархатову. С суммой с шестью нулями в качестве компенсации за моральный ущерб и подрыв деловой репутации.

– Я не утверждал, – тут же поджал хвост Рыба. – Я просто... высказал предположение. Такое уже случалось... Изредка.

– На рейсах нашей компании?

– Д-другой... Другой компании, не вашей. Я дико извиняюсь... И беру свои слова назад.

– Видели такого негодяя? – обратилась бортпроводница к пери с риторическим вопросом. – Трусливого, жалкого негодяя!

– Еще не приходилось.

Швырнув на столик Рыбы контейнер, бортпроводники вместе со своей тележкой покатали дальше.

– Вообще-то, это спорный тезис... Насчет негодяя. Тем более – трусливого...

– Слушай, отстань от меня, а? – жалобно попросила пери, уставившись в покрытую фольгой кюветку («с курицей», как было торжественно объявлено гестаповкой). Так и не рискуя отведать курицы, она переключилась на плавленый сырок, лежащий на листе салата, – но и сырок не внушил ей доверия. Оставался кекс «Весенний», сомнительная упаковка которого больше всего подходила под определение «просроченный продукт». Рыба тут же вспомнил историю с ночным посещением одного из крупных сетевых супермаркетов, где прямо у него на глазах бесстыжие продавцы меняли ценники с датой выпуска на фасованном курином филе. И другую историю – с палкой сырокопченой колбасы, казавшейся относительно свежей. Но только до тех пор, пока Рыба-Молот не заглянул под бумажное кольцо, – там колбаса была густо покрыта зеленой плесенью! Кроме того, он знал 133 (или 1330) способа реанимации безнадежно испорченной красной икры, растительного масла, пива живого брожения, творожной массы и кунжутной халвы.

Но кому нужны эти гастрономические истории с душком? Пери уж точно нет. А какие тогда ей нужны?

Что-нибудь героическое в стиле Джека Лондона, Руаля Амундсена и армейских будней одной мотострелковой ди-

визии... Э-э нет, героизм нынче – неконвертируемая валюта.

Что-нибудь конъюнктурное и высокооплачиваемое в стиле бывших менеджеров и рекламных агентов, переквалифицировавшихся в писатели! Но он никогда не был менеджером и агентом, следовательно – и карьера преуспевающего писателя ему не светит. К тому же Рыба ненавидит щетину на лице, а без многозначительно-культовой щетины путь в литературу заказан.

Что-нибудь модное, с элементами ненорматива и стёба – в стиле «live journal» или – как их там?.. интернет-блогов. Или это – одно и то же? Рыба-Молот не в курсе, завести свой сетевой дневник он так и не сподобился. Кошкина была против Интернета (вдруг ее нестойкий муж погрязнет в пучине порносайтов?). Рахиль Исааковна была против Интернета (вдруг ее нестойкий муж погрязнет в пучине сайтов знакомств?). Сам Рыба был против, поскольку стыдился собственной безграмотности, отсутствия юмора и неумения сколько-нибудь адекватно донести мысль.

И он не знает ни одной приличествующей случаю убойной цитаты ©, за исключением: «Кто эти люди, которые запрягают нас ковыряться в носу?»

Положительно, Рыбе-Молоту совершенно нечем заинтересовать прелестницу-пери.

Придя к этому неутешительному выводу, Рыба сник и сжался в своем кресле в позе эмбриона. За час до посадки ему пришло еще одно сообщение от сети PGN:

«ТЫ – ИДИОТ»,

улучшению настроения явно не способствующее. Сообщение сопровождалось музыкальным парафразом на тему основательно забытой советской песни про клен – «а любовь, как сон, стороной прошла».

Не судьба, – решил про себя Рыба и немного успокоился. И то правда – ничего общего между ним и смуглолицей дивой (кроме соседних кресел в самолете) нет и быть не может. Она слишком хороша для Рыбы-Молота. Кошкина с Рахилью Исааковной тоже были «слишком», но – объективно – недотягивали по красоте до пери процентов восемьдесят – восемьдесят пять. Чего уж при таких раскладах веслами махать? И пить «боржом», когда почки отвалились?..

Посадка ознаменовалась аплодисментами и произвольным падением держащихся на соплях столиков на колени пассажиров. Кроме того, с полок посыпалась ручная кладь. Сидевший у прохода Рыба принял на себя удар маленького дорожного саквояжа: судя по кокетливому виду и умопомрачительному запаху кожи, он принадлежал соседке.

– Это ваш? – спросил он у пери.

– Мой.

– Возьмите, пожалуйста...

Пери протянула руку к саквояжу, а Рыба-Молот между тем вовсе не торопился расстаться с чудесной вещицей. Напротив, вцепился в кожу мертвой хваткой. *Чего это на меня нашло?* – внутренне содрогнулся он, но хватку не ослабил.

- Дайте его мне!
- Пожалуйста, пожалуйста...
- Дайте же!
- Сию минуту!..

И от саквояжа, и от пери пахло нежнейшими цветочными духами. Руки у пери были тонкими, пальцы – длинными, а косточки на запястьях могли свести с ума кого угодно. Тупо глядя на все это великолепие, Рыба понял, что пропал окончательно. Что мысли о случайной попутчице будут преследовать его всю оставшуюся жизнь – подобно мини-гарпунам. Да нет, какие тут «мини»? – речь идет о полноценных гарпунах, массой около центнера, с ввинченной в головку гранатой. Запустить их в цель можно только с помощью гарпунной пушки; а целью, естественно, является Рыба-Молот (пора бы уже начать оправдывать свое дурацкое прозвище!). Так он и будет болтаться по волнам – с гарпуном в башке или в других, более чувствительных и уязвимых частях тела. А над ним, громко матерясь и пересмешивая, закружит дээн-чайка по имени Джонатан Ливингстон. И другие чайки, гораздо менее продвинутые... Картинка, возникшая в воображении Рыбы, была настолько яркой, что на глаза его навернулись слезы – от безысходности ситуации и от жалости к самому себе.

– Да что же это, в конце концов, происходит?! – в сердцах воскликнула пери.

Ну же! Пока у тебя в руках ценная вещь, пери ниче-

го не остается, как выслушивать любые глупости, пришедшие в пораженную гарпуном любви голову!.. Вперед, *рыбец!* **Avanti!** – как говорили бойцы гарибальдийских бригад, чьим любимым блюдом, по агентурным сведениям Рыбы-Молота, была паста под соусом болоньезе.

- Слеплен вашей красотой, – промычал Рыба.
- Сумку верните!!
- В жизни не встречал такой прекрасной женщины...
- А я – такого идиота! Убери лапы от моих вещей, скотина!..

Силы в пери оказалось намного больше, чем можно было предположить исходя из ее хрупкой конституции. Оттого и борьба за саквояж закончилась быстро: поверженный Рыба выпал в проход. А пери, переступив через него и пронзив щиколотку правой Рыбьей ноги острым каблуком, мгновенно исчезла в толпе выходящих из самолета. Следом за ней двинулся бесцветный мужчина лет сорока, который занимал место 8А у иллюминатора и, кажется, проспал весь полет. Двигался мужчина чрезвычайно осторожно, бесшумно и даже грациозно – как какой-нибудь солист балета. Или энтомолог, охотник за редкими видами насекомых.

Вот кого он напомнил Рыбе – энтомолога! Время от времени представители этой экзотической профессии мелькали в ящике – в передачах канала «Animal Planet», ужастиках про взбунтовавшихся сороконожек, а также в криминальных новостях, если кто-нибудь из них попадался на нелегальном

вывозе насекомых из тропических стран.

Этот не попадется, – почему-то решил про себя Рыба, глядя на пассажира из кресла 8А снизу вверх, этот вполне способен нелегально вывезти откуда угодно не только насекомых, но и атомный реактор. По частям. И вообще он не бесцветный. Скорее – бесстрастный. Представить его накаляющим жуков на булавки Рыбе-Молоту не составило особого труда. Правда, на месте жуков неожиданно оказались Палкина с Чумаченкой, зав. метеостанцией Ую, гнобивший Рыбу все полтора месяца работы, и еще с пяток недругов и недоброжелателей. Рыба-Молот приплюсовал к ним гестаповку-бортпроводницу с булавкой в лобной кости.

Превосходное, восхитительное зрелище!..

Не менее захватывающее, чем шрам под подбородком *пассажира 8А*, мелькнувший и исчезнувший так же быстро, как и он сам. Этот шрам по затейливости и разветвленности вполне мог поспорить со шрамом Рыбы.

Нога, протараненная каблуком незнакомки, нестерпимо болела, но Рыба-Молот был даже рад этому обстоятельству: какая-никакая, а все-таки память. Журнал, который читала пери, он тоже заберет с собой!.. Рыба вытащил журнал из сетки и готов был уже свернуть в трубочку и сунуть в карман, как из его недр выпал небольшой прямоугольный кусок мягкого картона.

Посадочный талон!

На талоне значился номер рейса Санкт-Петербург – Сале-

хард (тот самый, которым летели Рыба-Молот и пери), место (8Б) и – главное! – имя пассажира:

АНУШ ВАРДАНИЯ

Итак, его до сих пор безымянная пери – прямой потомок сильфов, эльфов и нимф – обрела вполне реальные паспортные очертания. Хотя и не перестала быть незнакомкой, – ведь совершенно ясно, что они никогда больше не встретятся.

Рыба-Молот похромал к выходу, раздумывая о природе странного имени Ануш. Склоняется ли оно, как, к примеру, слова «тушь» или «гуашь»? Или оно все-таки ближе к слову «туш», что означает короткое музыкальное произведение в виде приветствия?

Его уж точно никто не будет встречать в Салехарде с оркестром – дай бог, чтобы просто встретили. Опыт прошлых приездов во всевозможные тмутаракани и «муркины задницы» подсказывал ему – не расслабляйся, рассчитывай не на лимузин, а на такси за свой счет и телефон для сверки координат. Хотя наличие транспорта оговаривается заранее: деликатно, интеллигентно, с многократным, почти медитативным употреблением частицы «бы»:

«хорошо бы»,

«неплохо бы»,

«было бы замечательно, если бы»,

«не были бы вы так любезны», и прочая, прочая.

Чрезмерно мягкий характер Рыбы-Молота проявляется

не только в телефонных разговорах с работодателями, но и сквозит в строчках электронных писем и резюме. Как ему удастся выползть на всеобщее обозрение – загадка.

Вряд ли имя Ануш склоняется.

Оно – армянское, вопреки среднеазиатским ожиданиям Рыбы-Молота. Но это даже и хорошо, армяне – очень древний библейский народ. Популярная певица Шер – армянка, популярный певец Азнавур – армянин. Популярное блюдо долма (мясо и овощи в виноградных листьях) – тоже армянское. Армяне много страдали в своей истории. В чем именно заключались страдания армян, Рыба-Молот, к стыду своему, припомнить не мог, но это – дело поправимое. Достаточно почитать статью в какой-нибудь энциклопедии, чтобы быть в курсе всех дел, происходящих в Армении и с Арменией.

Ах, да – коньяк!..

Армянский коньяк – вещь что надо. И хотя Рыба-Молот относится к коньяку неоднозначно (от него бывает изжога и непонятная тяжесть в груди и на сердце) – придется полюбить и его. А также певицу Шер и певца Азнавура.

Добравшись до трапа, Рыба-Молот неожиданно вспомнил еще одно армянское имя – Мартирос Сарьян. Мартирос Сарьян был художником, и репродукция его картины, густо засиженная тараканами, висела в зале столовки райцентра Кяхта вместе с еще несколькими не бог весть какого качества репродукциями. От избытка чувств Рыба неожиданно воскресил в памяти и название – «Долина Арарата». И тот-

час представил себе, как он с прекрасной Ануш прогуливается по предварительно очищенной от тараканов долине Арарата, – срывая тучные плоды слив, персиков и инжира. А следом за ними бродят, как привязанные, серны, антилопы, королевские олени, пумы и гепарды с (во избежание эксцессов) затупленными зубами и обстриженными когтями. И прочее зверье – помельче. В воздухе носятся птицы и порхают бабочки; на возвышенности стоит казан с пловом и долма, приготовленные Рыбой в промежутках между прогулками и срыванием плодов. А рядом с казаном топчется единорог, символ чистоты и девственности, альтер-эго красавицы из красавиц Ануш Варданян...

– Шевели плавниками, – бесцеремонно ворвался в грезы Рыбы голос гестаповки-бортпроводницы.

– Да пошла ты! – с достоинством ответил ей Рыба, прикрытый с тыла сернами и единорогом, но – в большей степени – пумами и гепардами.

– Попадешься ты мне на обратном пути...

– И не мечтай!

Так, согреваемый видениями горы Арарат, Рыба-Молот (последним из пассажиров) вошел под своды салехардского аэропорта. Внешний вид здания, и особенно внутренности, приятно поразил его европейским, и даже каким-то британским, лоском, хотя Рыба и не бывал в аэропортах Европы, и уж тем более в Британии. Но именно такими мнились ему крупнейшие аэровокзалы мира: обилие стекла и мрамора,

прозрачный соборный купол и приветливо светящиеся табло, которые сообщают, что восемь из десяти рейсов задерживаются. А оказавшись в зале прилета, Рыба-Молот и вообще возликовал: его встречали!

Встречающих было двое: высокая монументальная блондинка и крохотный черноволосый парнишка с плоским, как блин, лицом и раскосыми глазами: типичный представитель коренных народностей Севера. В руке блондинки был зажат самопальный плакат с надписью:

«Господин БАРХАТОВ, г. Санкт-Петербург».

– Господин Бархатов – это я, – сообщил Рыба-Молот, приблизившись к блондинке и ее спутнику.

– Александр Евгеньевич? – уточнила она.

– Все правильно.

– Тогда давайте знакомиться. Я – Вера Рашидовна Родригес-Гонсалес Малатеста, хозяйка ресторана. А это мой муж, Николай.

Рыба-Молот совсем не политкорректно и отнюдь не толерантно выпучил глаза. Мало того что имя, отчество и несколько фамилий блондинки находились в состоянии полнейшего несоответствия друг с другом и такой же полной разбалансировки. Так еще и коротышка-муж, которого Рыба-Молот поначалу принял за мальчугана лет тринадцати! А между тем это вполне половозрелая особь, отхватившая себе лакомый кусок, коим, безусловно, является Вера Рашидовна. Хорошо еще, что Рыба не задал глупейший вопрос:

«Это ваш сынок?» – то-то было бы конфуз!

Через десять минут они уже сидели в новехоньком джипе: Вера Рашидовна за рулем, ее муж Николай на переднем пассажирском сиденье, а Рыба-Молот – на заднем.

– Ну, рассказывайте, Александр Евгеньевич... Как долетели? – спросила Вера Рашидовна, трогаясь с места.

– Долетел... э-э... хорошо.

– А как вам наш аэропорт?

– Выглядит замечательно.

– Город у нас тоже замечательный. Не Питер, конечно... Но со временем будет не хуже Питера.

– Не сомневаюсь, – с готовностью ответил Рыба, рассматривая пролетающие мимо хибары, одноэтажные бараки и вагончики различных конфигураций – от строительных до железнодорожных. Венцом же градостроительной мысли выступали цистерны с вываренными автогеном окошками. Неужели в них тоже живут люди? Судя по занавескам на окошках – еще как живут!..

– В последние годы много чего строят. Ледовый дворец построили... Катаетесь на коньках?

– Как-то не приходилось...

– А на лыжах?

– И на лыжах не приходилось.

– Ничего, дело наживное. В тундру вот с Николаем поедете. Там красиво.

Перспектива отправиться в хрестоматийно стылую тунд-

ру с мужем Веры Рашидовны не слишком-то обрадовала Рыбу-Молота, и он попытался увести разговор подальше от серьезных красот:

– Хотелось бы побольше узнать о профиле вашего ресторана. Какой кухне вы отдаете предпочтение?

– Где не воруют. За воровство в бараний рог сверну, – неожиданно подало голос переднее пассажирское кресло.

– Думаю, господин Бархатов совсем другое имел в виду, – осторожно возразила мужу Вера Рашидовна.

– Это я так, Верунчик... Чисто предупредить.

Рыба хотел было обидеться за совершенно необоснованные – с порога в зубы – подозрения, что он что-то там собирається стащить, пользуясь служебным положением. Но, представив недомерка из тундры, сворачивающего его, довольно рослого мужика, в бараний рог, обижаться раздумал.

– Вообще-то я специалист по средиземноморской кухне, я уже вам писал. Испанская, итальянская...

Рыба специально сделал упор на испанской и итальянской кухнях, хотя мог назвать еще французскую, арабскую (с нюансировкой, касающейся стран Магриба и стран Аравийского полуострова), да еще грузинскую с еврейской. Но испано-итальянские корни работодателяницы... Они наверняка не останутся равнодушными к Средиземноморью!

Корни соображали ровно минуту

– А попроще?..

– Проще? – Рыба на секунду задумался. – Можно

немецкую, но лично меня немецкая не вдохновляет.

– И меня. Не люблю немцев, – снова отозвался Николай.

– Опять ты за свое! Чем тебе немцы-то не угодили?

– Фашисты они проклятые...

– А к... еврейской как относитесь? – стал сбрасывать козыря Рыба-Молот. – Или... там к грузинской?

– Грузинские хари – наглые-носатые – видеть не могу. Ни по телевизору, ни по радио, ни на базаре. А жида – те же фашисты. – Ксенофобская сущность Николая никак не хотела успокоиться. – Вон как арабов мочат!

– Так, может, арабскую? – осенило Рыбу. – В знак солидарности, так сказать... Со страдающим народом Палестины.

– Не-а... Арабы сами нарываються. Вот и получают по рогам.

Логика в словах карликового мужа Веры Рашидовны было не больше, чем в иных высказываниях иррациональной Рахили Исааковны, а до этого – иррациональной Кошкиной. Но не только отсутствие логики смущало Рыбу-Молота: его еще можно пережить, но что делать с людоедскими настроениями мужа потенциальной благодетельницы? А ничего. Не скажешь ведь, находясь на его территории, в его городе и в его машине: «Сударь, вы подлец! Где у вас здесь выход? Где прокуратура? Где правозащитные организации?!» Пацифистскую сущность Рыбы скрючило – да так, что он все-таки стал подумывать о том, как бы вернуться туда, откуда

приехал. Но об этом и речи быть не могло, причем сразу по нескольким причинам:

– авиабилет, по которому Рыба десантировался в Салехард, заказан по Интернету Верой Рашидовной и ею же оплачен, следовательно – человек рассчитывал на сотрудничество и обманывать его ожидания *не есть хорошо*;

– лететь обратно, да еще самолетом, да еще в компании со змеей-гестаповкой он не в состоянии. Может быть, потом, спустя какое-то время (декаду, месяц, квартал) – но не сейчас;

– в крайнем случае, можно отправиться домой поездом, хотя поезда ходят и не от самого Салехарда, а от станции рядом, странное название которой напрочь вылетело из головы, но – опять же... Расписание поездов Рыбе неизвестно, вдруг следующий будет только через декаду (месяц, квартал?);

– в город Салехард, неизвестно какими судьбами, залетела Изящная Птица – вдруг они еще встретятся?

Последнее обстоятельство перевесило все остальные, и Рыба-Молот решил не нарываться и *не высекать*. В конце концов, все еще может повернуться светлой стороной, а поспешные выводы часто бывают ошибочны.

– Ну, ты совсем парня запутал, Николаша! – мягко попеняла мужу Вера Рашидовна. – Давайте-ка вопрос о кухне перенесем на завтра. И другие организационные вопросы тоже. Встретимся утром на точке и там все решим. Человек

ведь с дороги, не забывай. Ему отдохнуть надо, с местностью ознакомиться. Сейчас устроится, а ты проследишь за этим, а потом покажешь ему город... Как договаривались.

Перспектива остаться один на один с расистом-недомерком ужаснула Рыбу, и он поспешил дистанцироваться:

– Вообще-то, я привык знакомиться с новыми местами сам. Для чистоты, так сказать, эксперимента. Не стоит утруждать себя...

– А Николаше не трудно. Правда, Николаша?

– Не трудно, – подтвердил недомерок. – Заодно выясним твои взгляды на жизнь.

– Чего их выяснять? – удивился Рыба-Молот. – Я же поваром к вам приехал работать. И мои взгляды, какими бы они ни были, на качество кухни не отразятся. Уверяю вас.

– Все правильно, – после небольшой паузы заметила Вера Рашидовна. – Но и Николашу понять можно! Он у нас депутат Городской думы, потому и смотрит на все под политическим углом зрения. Он – человек идейный. Правда, Николаша?

– Идейный, – эхом откликнулся Николаша. – Вот ты – каких убеждений придерживаешься?

– Каких еще убеждений? – странный разговор тяготил Рыбу-Молота все больше и больше.

– Левых. Правых. Или ты – центрист?

– Я магниты на холодильник собираю.

– Магниты, положим, все собирают. Ты не увиливай.

Несмотря на то что Рыба прожил на свете уже тридцать пять лет и успел насмотреться на метаморфозы Великой Империи (а может – именно благодаря этому), никаких ярко выраженных политических предпочтений у него не было. И активной жизненной позиции тоже. В разное время он считал себя либералом, почвенником, сторонником крепкой руки, сторонником максимального сближения с Западом, сторонником максимального от него отторжения с последующей автаркией; анархистом, экологическим радикалом, славянофилом, славянофобом; противником и власти, и оппозиции, живущим под лозунгом «Чума на оба ваши дома!». Что же касается принципов (не путать с убеждениями!) – их у Рыбы-Молота было немного:

1. Женщин, детей и стариков нельзя обижать.
2. На женщин, детей и стариков нельзя обижаться.
3. Каждый человек достоин уважения.
4. Каждого человека нужно как минимум выслушать.
5. Увидел нищего – подай копеечку.
6. Увидел слепого – переведи через дорогу.
7. Увидел инвалида-колясочника – спроси, не нужна ли помощь.
8. Увидел проститутку – иди себе мимо.
9. Увидел сволочь – разберись, не сходя с места.
10. Не жри на ночь и чисти зубы после еды.

В основном Рыба-Молот видел нищих и проституток – и поступал с ними согласно своему катехизису. Инвали-

ды-колясочники попадались редко, сволочи – еще реже: ведь сволочи предпочитают темную сторону бытия, а Рыба-Молот старался держаться поближе к светлой. Но как-то и он – находясь на границе света и тьмы – спас хорошенькую девушку от приставаания сволочей. Девушка с жаром поблагодарила его, но номер телефона не дала, очевидно, Рыба оказался не в ее вкусе. А может, у нее уже был парень... Еще один раз Рыба снял с парапета Кантемировского моста потенциального самоубийцу и потратил на него полдня, приводя в чувство, – что в какой-то мере соответствовало пункту № 4 – «каждого человека нужно как минимум выслушать». Вот Рыба и слушал – и не только того бедолагу. Но и алкашей у соседнего магазина «24 часа», дворников, таксистов, уборщиц, официантов и младший персонал во всех ресторанах, в которых работал (в основном это были женщины, отягощенные не очень-то благополучными семьями). А также непосредственных начальников, если тем вдруг приспичивало затеять откровенную беседу. Что уж говорить о собственных женах и контуженном на всю голову Агапите с его отроками!..

И все эти люди были хоть и со своими тараканами, но никто не прижимал Рыбу-Молота к стене вопросом: «Ваши политические взгляды?» Пожалуй, его еще можно было вытерпеть от Изящной Птицы и даже попытаться ответить на него, тщательно следя за тем, чтобы нимб революционного романтика – на манер Че Гевары – потуже сжимал голову. Но кар-

лики (возможно, даже политические) не имеют на этот вопрос никакого права.

Впрочем, Николаша вовсе не был политическим карликом.

– Я представляю партию власти, – с апломбом заявил он.

– Ну и на здоровье, – меланхолично ответил Рыба.

– Опять ты за свое! – по-голубиному нежно цыкнула на мужа Вера Рашидовна. – Может, не стоит грузить парня? Дай ему осмотреться и в себя прийти.

Странная все-таки это была пара – госпожа Родригес-Гонсалес Малатеста и ее вырвавшийся из тундры муж с простым русским именем Николай Николаев. И что-то эти высокие отношения смутно напоминали Рыбе-Молоту.

– Жилье для вас мы сняли, Александр Евгеньевич...

– Сняли, сняли, – поддакнул жене Николаша. – Но на благотворительность не рассчитывай.

– В каком смысле? – Рыба, углубившийся в мысли об эксцентричном симбиозе салехардских фриков, не сразу понял, о чем идет речь.

– Да погоди ты, Николаша! В том смысле, дорогой мой, что мы оплачиваем только первый месяц проживания. Впоследствии стоимость аренды будет вычитаться из вашего жалованья. Вы не против?

– А у меня есть выбор? – Несколько фамильярное выражение «дорогой мой» поразило Рыбу в самое сердце.

– Все это оговорено в контракте, который, я надеюсь, зав-

тра будет подписан.

– Нужно еще посмотреть, что он за специалист!

– Он хороший специалист, Николаша, хороший. Ты же читал его резюме.

– Р-ррезюме-еее... Понапридумывают тоже! На бумажке можно что угодно написать. Выставить себя этой... английской королевой. Или этим... Филиппом Киркоровым.

– Я не понимаю. – Разговор с парочкой нравился Рыбе все меньше. – Вам шеф-повар нужен или английская королева с Киркоровым?

– Шеф-повар, конечно! – с жаром уверила его Вера Рашидовна. – Вы на Николашу не обижайтесь, но и он где-то прав. Резюме – одно...

– А то, как обстоят дела на практике, – совсем другое, – закончил вместо нее Рыба.

– Вот именно!

– Что ж, я готов. Завтра вечером можем провести дегустацию. Стандартный вариант – несколько блюд плюс десерт. И еще кое-что в качестве бонуса.

– «Кое-что» – это что? – поинтересовался Николаша.

– Увидите, – пообещал Рыба-Молот.

Под местоимением «кое-что» имелись в виду конфеты ручной работы. Обычно Рыба лепил их только для женщин – своих и пришлых, никогда не включая в ресторанные меню (работа – одно, а личная жизнь – совсем другое, капля сладости ей не повредит). Но тут не удержался и ляпнул.

И дело было совсем не в Вере Рашидовне, хотя она и представляла собой достаточно яркий и даже броский типаж «*либен клейне Габи, где твой хиртенкнабе?*»³, часто эксплуатируемый немецким атлетическим порно. Дело было в...

– Ну вот, приехали, – сообщила Вера Рашидовна, остановив джип возле вполне приличной, относительно новой и покрашенной в голубой с белым девятиэтажки. Девятиэтажка, хоть и была панельной, выглядела не в пример лучше, чем вагончики и уж тем более цистерны. Но несравненно хуже собственного дома Рыбы, оставшегося в далеком Питере. И любого из домов в жилом массиве, мелькнувшем на горизонте несколько минут назад. Рыба-Молот втайне понадеялся, что они свернут именно туда, к башенками со шпилями, – и напрасно.

– Николаша вас устроит, а завтра с утра я за вами заеду.

– Ясно. До завтра.

Рыба-Молот выпрыгнул из машины и вынул из нее чемодан, попутно оценив внутренности багажника: несколько огромных кусков мороженого, но уже начавшего подтаивать мяса, несколько небольших картонных коробок в яркой, подарочной упаковке; коробка побольше, плоская и длинная, с таинственной надписью «**Kleineisenbahn**»⁴ на торце. Надписи сопутствовали рисунки: рельсы, вагончики, малютка-тепловоз, – из чего Рыба-Молот сделал вывод, что в ко-

³ Милая крошка Габи, где твой пастушок? (*иск. нем.*)

⁴ Миниатюрная железная дорога (*нем.*).

робке томится железная дорога, предмет вожделений любого мальчишки. *Вожделение, м-м-м...* Со словом «вожделение» лучше всего монтировался образ порочной сестры Рахили Исааковны – Юдифи. Юдифь неожиданно выплыла из глубин подсознания в *либенклејне-прикиде* «ню», затем ее сменила собственно Габи-Вера Рашидовна в том же прикиде, – и Рыба почувствовал нехорошее жжение и вибрацию в нижнем отделе живота. Затем (из тех же подсознательных глубин) неожиданно поднялась, балансируя на хвосте, змея-бортпроводница. Но не голая и не одетая, а покрытая блестящей чешуей. Из чешуи, на уровне груди, торчала огромная английская булавка с бейджем и надписью на бейдже: «СДОХНИ!» Было ли это пожеланием, а если пожеланием, то кому? Наверняка самому Рыбе. Вибрация от этого не только усилилась, но и переместилась выше, в карман куртки.

Сообщение, – допер наконец Рыба.

Сообщение было от все той же сети PGN, решившей, видимо, окончательно свести Рыбу с ума:

«НЕ О ТОМ ДУМАЕШЬ, ИДИОТ!»

Не о том, все верно.

Не о той!

Волевым усилием Рыба-Молот заставил себя отрешиться от низменного и заглянул в салон. Сквозь стекло ему было хорошо видно, как Вера Рашидовна склонилась над пассажирским сиденьем, скрывавшим Николашу.

Сопли она ему вытирает, что ли? – непроизвольно подумал Рыба, потому что представить какие-либо другие – взрослые и серьезные – действия по отношению к уменьшенной (масштаб 1:2) копии мужчины оказалось весьма проблематичным.

Наконец и Николаша покинул джип. И, не глядя на Рыбу-Молота, направился к подъездной двери, вертя на пальце связку ключей. Рыба последовал за ним.

...Квартирка, снятая для столичного шеф-повара, оказалась небольшой, довольно уютной и хранившей следы прежних, неизвестных Рыбе хозяев: хлипкая сборная мебель времен оттепели, внушительные залежи каких-то рекламных проспектов, буклетов и агитационных материалов, гробовидный телевизор «Электрон» и холодильник «Днепр» с резинкой, прижимавшей дверцу к камере. Из эксклюзива присутствовали огромная медная ступа, в которой лежали шапка из полуистлевшего шелка, меховые рукавицы и колотушка. А также шаманский бубен на стене и наполовину лысая шкура какого-то животного на полу.

– Холодильник работает? – спросил Рыба.

– Работает.

– А без резинки?

– Без резинки – нет. Дверца не закрывается, понимаешь...

– Ясно. А телевизор?

– Это не телевизор. Это мини-бар.

– Мини-бар?..

Баром лишенную телевнутренностей коробку можно было назвать весьма условно: внутри не оказалось ни одной бутылки со спиртным – скорее, воспоминания о них в виде темных, правильных кружков числом около двух десятков. Поверх пятен, в самом дальнем углу, валялись две картонные подставки для пива и обертка от детского гематогена.

– Можешь пользоваться, – великодушно разрешил Николаша.

– Так здесь же нет ничего!

– Заполнить не проблема. У тебя есть чего кирнуть?

– Нет.

– Так-таки ничего и не привез? Никакого привета из Питера?

– Нет.

– А если хорошенько поискать?

– Да нет же, говорю тебе.

– А в чемодане?

– Нет – значит нет. В глобальном смысле, – терпеливо объяснил Рыба коротышке-депутату.

– Можно сбегать, – после глубокого, пятиминутного раздумья предложил альтернативный вариант Николаша.

– Зачем?

– Не зачем, а за что. За встречу на земле Салехарда. И вообще...

– Ну, я не знаю... – Рыбе-Молоту вовсе не улыбалось пить с совершенно незнакомым и мало симпатичным ему челове-

ком.

– Или ты не русский? – подначил Николаша.

– Русский.

– Или ты поганый клеветник из Европы?

– Русский. Я – русский.

– Раз русский – тогда дуй за пузырем. Лучше за двумя.

– А сам?

– Депутаты по гадюшникам не ходят, – резонно заметил Николаша.

До сих пор у Рыбы-Молота не было ни одного знакомого депутата никакого уровня – начиная от федерального и заканчивая местным, оттого он и не знал, где депутатам позволительно являться без ущерба для репутации, а где – нет.

– Все так серьезно?

– Не, несерьезно, – успокоил Рыбу Николаша. – Я, конечно, мог бы и сам... Но продавщица, падлюка, обязательно Верке настучит...

– Верке?

– Жене моей, Вере Рашидовне. Мне, конечно, фиолетово. Только Верка попрекать начнет.

– Я тоже не люблю, когда пият мозг, – вставил Рыба.

– Не, Верка не пилит. Верка передо мной на коленях стоит денно и ночью. Но когда ей что-то не нравится, она начинает сопلي распускать. А я этого не люблю. У меня от этого зубы шататься начинают. Вот так.

Последнюю реплику Николаша произнес горделивым ше-

потом, непроизвольно оглядываясь на дверь. Больше всего он был похож сейчас на третьеклассника, который тайком курит в школьном туалете и, в случае опасности, готов сунуть непотушенный окурок в карман. Вот кого Николаша все это время смутно напоминал Рыбе-Молоту – третьеклассника, ребенка. А Вера Рашидовна, соответственно, исполняла роль матери третьеклассника: любящей, готовой завалить подарками и выстроить ради драгоценного чада **Eisenbahn**⁵ прямо до луны, и не какую-нибудь klein, а самую настоящую, сверхскоростную. Из телевизионного, а также иностранно-книжного опыта (но больше из экзистенциальных бесед Палкиной-Чумаченки о Фрейде и последователях) Рыба-Молот знал, что такая всепоглощающая материнская любовь имеет и обратную сторону. И эта – обратная – сторона заключается в деспотизме, крайнем эгоизме и стремлении поставить объект приложения любовных сил под тотальный контроль.

– Несладко приходится? – прозорливо спросил Рыба.

– Сладко, но сироп иногда в горле застревает. Не туда и не сюда, – доверительно сообщил Николаша. – Вообще, Верка баба что надо. Лучшей и желать нельзя... Скажешь, нет?

– Не скажу.

– Всем хороша.

– Всем.

– Только сука редкостная. Железная Леди елы. Маргарет

⁵ Железная дорога (нем.).

Тэтчер Ямало-Ненецкого автономного округа. Ты готовься, она с тебя за работу три шкуры драть будет. Вход в Веркин бизнес рубль, а выход – три рубля. Еще и должен ей окажешься.

Рыба-Молот неожиданно почувствовал себя зверем, попавшим в капкан. А в полуметре от капкана стоял совершенно свободный, обласканный судьбой Николаша. Стоял и ухмылялся.

– А с каких пирогов я окажусь ей должным? – удивился Рыба.

– Она найдет с каких. Любого об колено переломает. Верка – она такая, всех в кулаке держит. А я – ее. Так кто в этой жизни главный?

– Кто?

– Смекай, морда твоя гастрономическая. А пока смекаешь, неплохо было бы и в магазин слетать...

Это был простой человеческий разговор – хотя и не совсем приятный, но без политических завихрений и обсуждения идейной платформы партии власти. *Может, пронесет*, – подумал Рыба, отправляясь в магазин за бухлом.

Посещение магазина заняло гораздо больше времени, чем он предполагал. А все потому, что Салехард, в отличие от Питера, был городишкой небольшим, и каждый новый человек воспринимался в нем как событие. То же самое происходило и в Трубчевске, и в Кяхте, и в других малозначительных населенных пунктах. Каждый раз, возвращаясь в свой

хмурый мегаполис, Рыба напрочь забывал об этом – поэтому очередная встреча с аборигенами выглядела как откровение. Откровением оказалась и продавщица из магазина, куда (по наущению Николаши) Рыба заглянул за водкой.

– Что-то я тебя раньше никогда не видела, – сообщила продавщица после того, как Рыба озвучил заказ и положил на прилавок деньги. – Приезжий?

– Вроде того.

– А откуда?

– Из Питера.

Стоило ему упомянуть о культурной столице, как продавщица разразилась десятиминутной тирадой, из которой Рыба узнал, что:

сама продавщица («зови меня Натальей, не ошибешься») хоть и никогда не бывала в Питере, но имеет к нему самое непосредственное отношение, – вроде бы (так гласит семейное предание) ее, продавщицын, род ведется от личного садовника императрицы Екатерины Великой, выписанного прямоком из Германии... а родственники ее первого мужа по материнской линии пережили блокаду – и как только живы остались?.. а племянница ее второго мужа и сейчас там обитает, зацепилась за Питер после института, *мандалэйла*, окрутила какого-то местного лося, быстренько у него прописалась, а лосиную мать траванула грибочками и теперь живет себе припеваючи в трехкомнатной квартире на проспекте Стачек, *есть там у вас такой проспект?*

– Есть, – подтвердил Рыба.

– Значит, не врала, *мандалэйла*, – расстроилась «зови меня Натальей, не ошибешься». – Вот всегда так: стервам все самое лучшее достается, а приличные люди последний хер с солью доедают. Ты-то сам женат?

– Разведен... Мне бутылку водки, пожалуйста. – Рыба попытался подтолкнуть «зови меня Натальей, не ошибешься» к исполнению профессиональных обязанностей.

– И правильно. И не женись больше. От баб все зло! Верно я говорю, Вань?.. – крикнула продавщица куда-то в темноту подсобки.

– А? Чего? – откликнулась темнота толстым мужским басом.

– Верно я говорю, что от баб все зло на свете?

– Куда уж вернее!

– Вот и Ваня, хи-хи, так думает, – подытожила «зови меня Натальей, не ошибешься».

По неожиданно всплывшему опыту прошлых лет Рыба-Молот знал: нельзя углубляться в дебри, нельзя вступать в дебаты и уж тем более нельзя спрашивать у продавщицы, что это еще за скрывающийся во тьме «Ваня» – истина в последней инстанции, что ли? И – заодно – нельзя спрашивать, что означает слово «мандалэйла»: то, о чем подумал Рыба, или что-то другое?..

– А надолго ты сюда?

– Как получится... – состорожничал Рыба-Молот. – Если

получится... Если понравится... Может, и задержусь.

– Не понравится. Вам, питерским, что подавай?

– Что?

– Культур-мультир, вот что. А здесь с культур-мультир на-пряги. Здесь народ дикий. Вчера вот своими глазами видела, как в одном дворе с собаки шкуру заживо снимали.

– С какой собаки? – Рыба и не хотел, а втянулся в дурацкий разговор.

– С обыкновенной. С дворняги... Слышь, Ванька! – снова обратилась к темной подсобке «зови меня Натальей, не ошибешься». – Вчера-то чего видела! С собаки шкуру заживо снимали!

– И чего? – До сих пор не проявившийся Ванька отнесся к страшной новости равнодушно. – Сняли?

– Кто ж его знает... Сняли, наверное. Иначе зачем затеваться было?

– А собака? – содрогнувшись всем телом, спросил Рыба.

– А что собака? С тебя шкуру содрать – что бы с тобой было?..

– Две. Две бутылки водки! – потребовал Рыба, но продавщица снова проигнорировала его покупательский порыв:

– А как губернатор ваш поживает?

– Какой губернатор?

– Не какой, а какая... У вас же баба губернатор?

– А-а... Вроде того... Хорошо, наверное, поживает.

– Да уж! Поживают они – не нам чета... А правду говорят,

что дочь ейная обкурилась и восемнадцать человек насмерть задавила, еле отмазали?

– Вообще-то, у нее сын.

– Да какая разница – дочь, сын! Главное – обкурилось чадо и восемнадцать душ насмерть... Правда это?

– Не слыхал.

– ...и что она... То есть – он... Самолет угнал в Швецию, прямо с пассажирами, а летели-то они в Якутск. А как в Швецию прилетели, так никто обратно в Якутск не захотел, дураков нету. Попросили политического убежища, и вся недолга. А Путин после этого вызвал мамашку на ковер и сказал: приструни своего беспредельщика, иначе полетишь у меня с поста вверх тормашками...

– Вот так прямо и сказал? – изумился Рыба.

– Ну... прямо ли... криво... А ходят такие слухи.

– Где ходят?

– В народе ходят. Циркулируют... А еще говорят...

– Наташ! Поди сюда, – воззвала подсобка, но продавщица только рукой махнула:

– Да погоди ты! Мне тут питерский человек про тамошние нравы рассказывает... Дай послушать! Так чего там у вас слышно?

– Пока все спокойно.

– Как же – спокойно? А свадьба Волочковой?

– Не присутствовал. – Рыбе-Молоту очень хотелось потрафить продавщице, но все никак не вытанцовывалось, –

вот и с балетной примой получился облом.

– Хи-хи! Ясно, что не присутствовал, по морде видно! А если бы присутствовал, то знал бы, что они всю царскую посуду перебили – в том месте, где фонтаны... Как его?

– Петергоф, – подсказал Рыба.

– Точно. Петергоф! А говоришь, что не в курсах... Посуду кокнули – раз. Пугачиху петь не пригласили, и она обиделась смертельно – два. Ракеты в воздух запускали и полдворца вынесли на хрен – три. А еще – культурная столица!.. Стыдобища!

– Наташ! Сколько тебя ждать-то? – снова проклюнулась подсобка.

– «Наташ, ссы на карандаш», – передразнила «зови меня Натальей, не ошибешься». – Вот ведь припекло!.. А ты в гостинице остановился или где?

– На квартире... Здесь, неподалеку.

– И сколько за квартиру платишь?

– Пока не знаю. Расчет в следующем месяце.

– Что ж ты сразу не выяснил, *культурная столица*? Такие вещи на самотек пускать нельзя, а то у нас со столичных шкуру дерут почище, чем с давешней собаки. Знаешь что? Мужнина племянница тоже квартиру собралась сдавать – может, у нее поселишься?

– Это которая в Питере, на проспекте Стачек живет?

– Это которая другая. Нынешнего моего мужика, а он третий по счету... Это которая из Салехарда никуда не выезжа-

ла и осталась человеком. Она и возьмет недорого, а я уж за этим прослежу по-родственному, не сомневайся.

– Да я уже здесь договорился. Не стоит беспокойства, хотя спасибо, конечно.

– Ну, мое дело предложить... Точно не надо ничего?

– Две бутылки водки надо.

– А на закусь что?

– По вашему усмотрению...

– Может, сразу три возьмешь? Чтобы потом не бегать догоняться...

– Нет, – твердо заявил Рыба. – Двух будет вполне достаточно.

Пока «зови меня Натальей, не ошибешься» подбирала к водке достойный продуктовый аккомпанемент (капуста квашеная, огурцы бочковые, норвежская сельдь, французские корнишоны, сырик-колбаска, кирпич ржаного хлеба и двести грамм строганины в качестве бонуса), Рыба-Молот продолжил размышления об этимологии слова «мандалэйла». Продвинутые Палкина с Чумаченкой нашли бы здесь парафраз на тему персидской романтической легенды «Лейла и Меджнун», но вряд ли продавщица из приполярного Салехарда когда-нибудь слыхала о ней. Она могла слыхать о струнном щипковом инструменте мандолина, что тоже было созвучно «мандалэйле», – это да. Сама же продавщица больше походила на гитару: все в ней было фигурно, плавно и округло, ни одной резкой линии. В отличие от раскле-

шенных глаз Рыбы-Молота, глаза продавщицы были почти вплотную сведены к переносице, губы завязаны на винтажный бантик, а на щеках играл природный свекольный румянец. Рыба почему-то решил, что ноги у «зови меня Натальей, не ошибешься» кривые, с сильными легкоатлетическими икрами и относительно тонкими щиколотками. И что она держит весь дом в ежовых рукавицах. И сама определяет, пить ли мужу на наспех склепанный праздник Дня примирения и согласия или все же дождаться старорежимного, давно почившего в бозе, но такого понятного Дня седьмого ноября-красный день календаря. А дети продавщицы...

Бедные дети! Хорошо еще, если у нее сын. А если дочь или две дочери? Им-то она наверняка жрет плешь относительно племянницы, которая не осталась в Салехарде, а переехала в столичный Питер и сочинила себе трехкомнатную сказку на проспекте Стачек. ***И вам тоже свезет***, – увещевает дочерей «зови меня Наталья, не ошибешься», – ***если не будете мандалэйлами!***

...Расплатившись за водку с закусью, Рыба-Молот вернулся к Николаше, после чего начался форменный алкогольный содом с гоморрой. Воспоминания о нем отдавались весь последующий период пребывания в Салехарде спонтанными и бьющими прямо в виски приступами стыда. И сколько ни анализировал впоследствии тот вечер Рыба, он так и не смог понять, как на него, человека малопьющего, нашло вдруг такое помрачение.

Во всем был виноват Николаша. Вернее, злые ненецкие духи *нгылека*, использовавшие крохотное тельце депутата Городской думы в качестве штаб-квартиры. Очередная вылазка из нее произошла незаметно для посторонних глаз, где-то после третьей рюмки, когда выпили за приезд вкупе с Питером, за начало сотрудничества вкупе с Салехардом, а также за мужскую солидарность вкупе с партией власти. Рыбу-Молота удивило такое оперативное совмещение тостов, на что Николаша ответил вполне здраво:

– Тостов много, а водки мало. А теперь выпьем на брудершafft и за отсутствующих здесь дам, чтоб им пусто было!

– Так мы вроде уже давно на «ты». Или нет?

– Закрепим документально!..

– Ага, понял. Только вот женщин я бы все-таки выделил в автономный тост.

– Ты думаешь? – Наполненная рюмка застыла у рта Николаши. – Не. Много чести им будет. Пусть вообще спасибо скажут, что мы за них пьем...

– Ты не прав, Николаша.

– Депутат от партии власти всегда прав!

Черт дернул Николашу вспомнить о своем депутатстве и черт дернул Рыбу-Молота неадекватно отреагировать на это. Нет, Рыба не стал поливать грязью руководящую и направляющую нынешней России – он просто сказал:

– Что же ты за свою партию отдельно не выпил? Свалил все в кучу. Вот и получилась она у тебя с маленькой буквы.

Уж извини за прямоту.

– Как это «с маленькой»? – оторопел Николаша и вместо водки сунул в пасть французский корнишон.

– А вот так. С ма-алюсенькой. – Большим и указательным пальцами Рыба-Молот точно воспроизвел размер съеденного Николашей корнишона.

– Это намек?

– Какой же это намек? Констатация факта.

Только тут Рыба заметил, что с Николашиным лицом творится что-то неладное. И без того плоское, оно стало еще плосче; сначала с его поверхности – как будто стертые невидимым ластиком – исчезли глаза. Затем настал черед носа и губ – и перед Рыбой-Молотом наконец предстало вполне себе материальное воплощение блина, коих он за свою долгую жизнь в профессии испек тысячи. *Сметанки бы к нему, – подумал Рыба, – нет – лучшие икорки, а то от корнишонов со строганиной и сыриком радости русскому человеку никакой... Во!! Завтра буду кормить всю эту салехардскую кодлу блинами!..*

Блин между тем вспучило, и из него поперла некая, неизвестная Рыбе субстанция.

...И расстегаями, – решил вдогонку Рыба-Молот, – расстегаяи – самое то. Перед расстегаями никто не устоит!

Составив прикидочное меню, он совсем успокоился и уже отстраненно стал наблюдать за метаморфозами Николашиного лица. Расстегаем оно побыло не дольше, чем блином,

а выползшая субстанция оказалась не мясной и не рыбной – скорее, сакрально-мистической. Примерно так выглядело рождение континентов по версии не так давно реанимированной программы «Очевидное-невероятное», которую Рыба не смотрел по причине позднего и крайне нестабильного выхода в эфир. В горных разломах и океанских впадинах кипела еще не оформившаяся жизнь, происходила борьба видов и подвидов, синхронно отпадали какие-то хвосты, росли какие-то плавники и зубы, вытягивались и сжимались челюсти, одно чудовище пожидало другое, другое – третье, пятое и двадцать шестое. На смену морям приходили леса, на смену болотам – равнины; и вот по равнинам забегали стада животных и существа, похожие на людей. Определенно, это были люди!...

Впору было изумиться происходящему на доисторической арене депутатской физии, но Рыба-Молот почему-то не изумился. И даже устроился поудобнее на продавленной тахте – в надежде не только просмотреть во всех подробностях историю планеты от динозавров до наших дней, но и заполнить лакуны в образовании.

История схлопнулась при первых признаках культовых сооружений, датируемых V–III веками до н. э. Рыба-Молот еще успел увидеть нечто величественное, напоминающее то ли пирамиду, то ли курган. И нечто антропоморфное, напоминающее то ли скифскую бабу, то ли статую с острова Пасхи. После этого лицо Николаши снова приняло свой обыч-

ный вид. И только красные сполохи в глазах напоминали о произошедшем цивилизационном безобразии.

Как ушло, так и пришло, – отметил про себя Рыба-Молот, – и слава богу.

Но все оказалось совсем не слава богу.

– Ты прав, – сказал Николаша. – Ну ее к чертям, эту партию власти! Наливай!

– Ты прав, – согласился Рыба, разливая водку. – Кто эти люди, которые запрещают нам ковыряться в носу?

– О-о, как ты прав! Никто!

– И пить за них мы не будем. Ни за кого!

– Ни за кого! – подтвердил Николаша. – Пошли они!..

– Так за кого тогда мы будем пить?

– Сказано же – ни за кого! Пить мы будем просто так!

И Рыба-Молот с Николашей выпили еще. И, без остановки, – еще и еще. Сполохи в узких глазах Николаши то за-
тухали, то разгорались с новой силой. А потом с коротких и жестких Николашиных ресниц посыпались... Не слезы, нет! А крошечные человечки – совсем не зеленые, не хвостатые и не рогатые. И снова Рыба не удивился. Он только прищурил левый глаз, а к правому поднес рюмку с водкой, игравшую в данном случае роль увеличительного стекла.

Человечки приблизились.

Теперь уже можно было разглядеть, что одеты они в длинные парки-малицы из оленьих шкур, вооружены копьями и луками, а некоторые даже охотничьими ружьями. Человеч-

ки вроде бы не собирались применять оружие против Рыбы и – тем паче! – против прародителя Николаши, они вообще вели себя мирно. Лишь иногда терялись в складках одежды, чтобы тут же появиться снова. И, как только они появлялись, у Рыбы замирало сердце.

– Мне, пожалуй, достаточно, – осторожно произнес Рыба, стараясь не смотреть на копья и ружья в руках самоедских крошек.

– Чего? – вскричал Николаша.

– Достаточно. *Инаф. Суфисьенте. Кванто баста!*

– Чего?

– Мне больше не наливать.

– Шутишь, что ли?!.

Человечки, еще секунду назад не собиравшиеся покидать хозяйские охотничьи угодья, неожиданно отделились от тела Николаши и полетели в сторону Рыбы-Молота, на ходу выстраиваясь в журавлиный клин.

Надо же, загнуло! Паленую водку подсунула, гадина, не иначе! Травануть меня решила, харыпка, мандалэйла! Пропал я не за хрен собачий... –

обрывки панических мыслей скачут в голове Рыбы-Молота, задирают ноги и трясут юбками, как кордебалет: то ли Мулен-Ружа, то ли Фридрих-Штадт-Паласа. И музыка звучит соответственная, пошло-кафешантанная.

Канкан, о да!

Маленькие человечки тоже подчиняются ритму канкана.

Но трясут они совсем не юбками (юбок, понятное дело, у них нет) – потрясают оружием. Бряцают им. Приближаются к лицу Рыбы-Молота, увеличиваясь в размерах. Причем – не целиком, разбухают только головы, покрытые меховыми капюшонами. Теперь уже можно в подробностях разглядеть их физиономии, но лучше этого не делать:

физиономии страсть какие неприятные,
омерзительные!

Такие бывают у оборотней, не единожды описанных во всех мыслимых культурологических источниках. Оборотней большинство, но есть и волки в чистом виде. Они кажутся выписанными прямиком из провинциального зоопарка, лишённого финансирования, и потому готовы загрызть любого. Галерею образов завершает нечто среднее между голым черепом и маской конвейерного убийцы из такой же конвейерной серии ужастиков «Крик», Рахиль Исааковна к ним особенно благоволила. Но та, киношная, маска была статичной (такой же статичной, как и череп), а эта... Эта скалится и выражает отнюдь не положительные эмоции: гнев, ярость, исступленную злость.

Пропал я не за хрен собачий... кошачий... буйволиный... – внутренне содрогнулся Рыба-Молот, не в силах отмахнуться от кошмарных рож. Их очертания и плотность, между тем, кардинально изменились: теперь это был всего лишь дым – то ли сигаретный, то ли пиротехнический. Дымные, но по-прежнему оскаленные пасти легко проникли в глаза

и ноздри Рыбы-Молота, заползли в рот, в ушные раковины. И...

...растворились где-то в глубинах организма.

Или – в глубинах некрепкого Рыбьего мозга, где до сих пор складировались кулинарные рецепты, наброски ненаписанной книги «Из жизни карамели и не только», таблицы мер и весов для сыпучих продуктов, тоска по Кошкиной, тоска по Юдифи... тьфу ты, холера! – по Рахили Исааковне; ноты к песне «Ля бисиклетте», всевозможные рингтоны во главе с самым главным – про Изящную Птицу, смыслоуловители и бластеры отроков, созвездие Волосы Вероники, заляпанное чернилами и майонезом, помет дзэн-чайки Джонатан Ливингстон. И много чего еще – ненужного, неважного, несудьбоносного, карликового, лилипутского...

Кстати, о лилипутах.

Проклятый Николаша, что за дрянь он выпустил из себя и впихнул в Рыбу?

– А-а! – тихо произнес Рыба-Молот. – Это что? Это как?

– Это водка, – пояснил Николаша. – И мы ее пьем. Пьем или нет?

«Пьем, пьем, пьем!» – хором проскандировали зловерные волки и оборотни, полностью завладевшие тушкой Рыбы.

– Пьем! – в унисон духам подпел Рыба, поражаясь собственному безволию.

– Нажремся вусмерть?

– Легко!..

Для того чтобы нажраться «вусмерть», двух бутылок было явно недостаточно. И, когда они кончились, Рыба побежал к «зови меня Наташей, не ошибешься» за очередной порцией спиртного. «Зови меня Наташей, не ошибешься» встретила Рыбу как старинного друга: нагрозила водкой и очередной порцией слухов о происходящем в Кремле, Белом доме, Пентагоне, на мысе Канаверал и на Даунинг-стрит. Пояснила значение слова «мандалэйла» (оно оказалось банальным производным от слова «манда»). А на смиренную просьбу показать ноги отреагировала вполне адекватно: вышла из-за прилавка и слегка приподняла синий форменный халат. Как и предполагал Рыба, ноги оказались кривыми, щиколотки тонкими, а икры – легкоатлетическими.

– Ну как? – поинтересовалась произведенным эффектом продавщица.

– Блеск!

– Ты с Николашей гуляешь, *культурная столица*?

– Точно. С ним.

– Смотри там, поосторожнее...

– В смысле?

– Он – человек непростой.

– И что это значит?

– Непростой – значит непростой.

– Да знаю... Депутат он.

– Депутат... Депутат – дело пятое.

– А четвертое с третьим?

– Говорят, шаманствует он... – «Зови меня Наташей, не ошибешься» понизила голос. – По настроению может такого нагнать... Век не расхлебаешь!

– Не верю я во все эти мистические штучки, – соврал Рыба.

– Ну, не веришь, так не верь. Мое дело – предупредить...

...Все последующие события (точнее было бы назвать их бесчинствами) Рыба-Молот помнил смутно. Кажется, он нарядился в облысевшую напольную шкуру и, рыча, бродил по квартире. Николаша при этом без продыху бил в шаманский бубен, размахивал колотушкой и выкрикивал что-то нечленораздельное. Затем они поменялись ролями, и теперь уже в бубен бил Рыба-Молот. А Николаша изображал из себя то-темное животное – то ли медведя, то ли россомаху. И странное дело – ничтожная, траченная молью и временем шкура, стоило прикоснуться к ней Николаше, моментально видоизменилась. Теперь это был полноценный мех – блестящий, свеженький, переливающийся самыми разнообразными волшебными оттенками. За одно прикосновение к нему гламур обеих столиц поубивал бы друг друга, повыдрал бы все волосы и сломал все ногти конкурентам. Когда же Николаше надоело ходить в шкуре и он сбросил ее на пол, та приняла свой обычный, затрапезный и занюханный вид.

– Шаман, ёптить! – возопил Рыба-Молот, падая ниц перед депутатом Городской думы. – Как есть шаман! Волшебник

Изумрудного города!..

– Вот только про Изумрудный город не надо, – помрачнел Николаша. – Давай все выбросим отсюда на хрен!

– Что именно?

– Все!

– Заметано! А куда будем выбрасывать?

– В окно, куда же еще?

Первыми в окно полетели рекламные проспекты, агитационные материалы, микроволновка и импровизированный мини-бар. Затем настала очередь стульев, тахты, деталей стенки и холодильника. Вошедший в раж Рыба чуть не выпихнул вместе с наивным «Днепром» самого Николашу: в самый последний момент тот удержался за резинку, висевшую на дверце.

Потом они синхронно мочились, стоя на подоконнике и определяя попутно, у кого длиннее струя. Длиннее, намного длиннее оказалась у Николаши – и в этой, поистине невероятной длине снова проступило его шаманство.

– Давление тридцать атмосфер, как в пожарном брандспойте, – горделиво заметил Николаша.

– А в брандспойте тридцать атмосфер? – удивился Рыба. – Мне казалось, что меньше.

– В любой момент могу увеличить до тридцати. И даже до сорока. При дальности полета сто километров. Нет, двести! Нет, триста шестьдесят пять!

– А до полюса достанешь?

– Запросто.

– А... до Луны?

– Все может быть.

– А до звезды Шедар в созвездии Кассиопея?

– Это еще что за хрень?

– Это... м-м... звезда! Просто звезда.

– Наверное, могу и туда, если постараться. Постараться?

Рыба представил несчастных отроков, болтающихся где-то возле звезды Шедар. И представил струю Николаши, способную (в этом Рыба нисколько не сомневался) улететь за многие парсеки от дома и сбить звездолет «Заря» с заданного курса. И кому от этого будет радость?

Никому.

– Нет, не надо стараться. Я верю.

– А то давай!

– Я верю, верю! – Рыба, как мог, пытался отвести опасность от отроков. – Пошли лучше водку пить.

– Всегда! – воскликнул Николаша, приложив одну руку к сердцу, а другой застегивая штаны.

Остатки водки привели Рыбу в самое минорное расположение духа: он расплакался и сообщил, что ему никогда не везло с женщинами, хотя он и был дважды женат. И что его женщины были...

– Сучками? – предположил Николаша.

– Нет.

– Меркантильными тварями, которым только бабло пода-

вай?

– Нет.

– Изменяли тебе?

– Тоже нет. Они были приличными женщинами, порядочными. Наверное, все дело во мне...

Пропустив самокритичный пассаж Рыбы-Молота мимо ушей, Николаша погрозил кулаком пустому углу, в котором еще недавно стоял холодильник «Днепр»:

– У-у, жабы!.. Давай напустим на них Нга!

Едва лишь странное буквосочетание было произнесено, как тусклая сорокаваттная лампочка под потолком начала мигать, из углов поползли черные тени, а перед глазами Рыбы, напротив, заиграли ослепительные в своей яркости вспышки, больше похожие на салют в честь регионального питерского праздника выпускников «Алые паруса». Параллельно со вспышками в оба Молотовских виска задолбило изнутри. Долбеж был узкоточечным, как если бы кто-то невидимый, сидящий в голове Рыбы использовал для своего грязного дела пики и дротики...

Или копья.

Или стрелы!

«Кто-то невидимый», как же! Рыба-Молот догадывался – кто.

– Что есть Нга? – спросил он у Николаши полузадушенным голосом.

– Нга – это Нга! – таким же полузадушенным голосом от-

ветил Николаша. – Нга никого не пощадит. А можно не только твоих баб... Но и всех остальных...

Нга, должно быть, что-то темное, страшное (исходя из мигания лампочки, леденящих душу теней и долбежа в виски). Дежурными фильмами ужасов здесь не отделаешься. Дежурные фильмы ужасов – детский лепет! От внезапного осознания угрозы, нависшей над хрупким женским миром, над декольте Кошкиной, над задом Рахили Исааковны, а также другими, неизвестными Рыбе задами и декольте, он даже протрезвел. Черт бы с ними, известными и неизвестными, но Изящная Птица!.. Она ведь тоже женщина, следовательно – опасность угрожает и ей. А этого Рыба допустить не может, ни при каких раскладах.

– Давай обойдемся без Нга. Не будем никого тревожить...

– Точно? – Видно, Николаша и сам был не рад, что в запале упомянул *темное и страшное*, и теперь с облегчением давал задний ход. – Смотри... Я хотел как лучше. Хотел, чтобы моему другу было хорошо.

– Мне и так хорошо.

Это была чистая правда – виски наконец отпустило, лампочка перестала мигать, черные тени съежились и исчезли. А блаженное состояние алкогольного опьянения, наоборот, вернулось. И завладело Рыбой с новой силой. Обрадованный Рыба снова пустил слезу и поведал Николаше, что не далее как сегодня встретил любовь всей своей жизни – Изящную Птицу, чтобы тут же потерять ее, возможно – навсегда.

– Херня! – заявил Николаша. – Мы ее найдем!

– Каким же образом?

– Имя-фамилию знаешь?

– Как будто знаю...

– Завтра... Нет, сегодня... Отправлю депутатский запрос.

Позвоню кому следует. Никуда она от нас не денется, увидишь! Из-под земли достанем, из-под оленьей цыцки!..

И снова Рыба представил себе – теперь уже Изящную Птицу, бьющуюся в силках партии власти и подчиненных партии институтов, в том числе силовых. Представил и ужаснулся: совсем не таким образом он надеялся отыскать любовь, совсем не таким. Категорически!

– К-категорически... Категорически возражаю.

– Против чего? – не понял Николаша.

– Не нужно никакого официоза. Я сам... сам все сделаю.

Сам найду.

Николаша с сомнением посмотрел на Рыбу:

– Ты? Не, ты точно не найдешь.

– Пусть так. Но и помощь какой-то там партии мне тоже не нужна.

– Ладно. Обойдемся своими силами. Без привлечения...

Начать поиски было решено со ставшего Рыбе родным магазинчика. Там Рыба с Николашей ненадолго тормознулись, еще выпили (на этот раз – вместе с таинственным Ваней из подсобки, несмотря на устрашающее родимое пятно в поллица, оказавшимся простым и милым парнем). Николаша,

расчувствовавшись, рассказал присутствующим о неразделенной любви своего друга, Рыбы-Молота. В интерпретации Николаши выходило, что Рыба страдает и ищет возлюбленную пятнадцать лет кряду, а может, и больше. А Изящная Птица трансформировалась в сознании депутата в нечто похожее на скифскую бабу или статую с острова Пасхи: «Жопа – во! Сиськи – во! Как такую не любить? Я бы и сам не отказался, прости меня, Вера Рашидовна! А вы смотрите у меня, сцуки, ничего Верке не говорите, а то прикрою вашу торговлишку к чертовой матери!..»

После магазинчика они еще долго шатались по городу, ломились в какие-то двери, подожгли помойку, едва спаслись от стаи бродячих собак, разбили несколько подвернувшихся под руку носов и окон и зачем-то полезли купаться в фонтан, называвшийся «У трех муксунов». Солировал в этом заплыве Молот, страстно обнимавший изваяния ни в чем не повинных рыб и кричавший что есть мочи:

– Братья! О, мои братья!..

Николаша же, обратив свой взгляд строго на юго-запад, туда, где за тысячи километров заседал, по его мнению, политсовет партии власти, орал:

– Кто эти люди, которые запрещают нам ковыряться в носу?!

Это была последняя фраза, которую зафиксировал Рыба-Молот, прежде чем разум его померк и наступила темнота.

Глава третья

в которой Рыба-Молот знакомится с Яном Гюйгенсом ван Линсхоттеном, узнает кое-что о ненецкой мифологии и особенностях местного общепита, мужественно противостоит любовным поползновениям со стороны Веры Рашидовны и, помимо своей воли, становится хозяином духов нгылека

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.